

ЛОВЕЦ СНОВ

Уличный музыкант-полукровка на углу Гончарной извлекал из потёртой скрипки тревожную и печальную мелодию. Он, как и я, чувствовал: в городе что-то не так. Я опустил в его шляпу несколько монет, и он отсалютовал мне смычком, на мгновение прервав исполнение.

Город бурлил словно ведьмовской котёл с дурным варевом, и хоть я старался убедить себя, что это не моё дело, я чувствовал досаду от того, что упустил момент, когда всё началось. Всё-таки в моём единённом образе жизни были свои недостатки.

Я дал мелкую монетку мальчишке-газетчику в сдвинутой набекрень кепи, получив в обмен усталую улыбку и свежий номер «Степной совы». Казалось, пухлая газета весила больше чем вся моя корзина с продуктами — ещё один признак того, что в городе не всё ладно.

Ещё по дороге я успел пробежаться глазами по заголовкам. Фразы в стиле «Когда они проснутся?» и «Сонная лихорадка — в чём причина?» заставили стиснуть зубы и ускорить шаг. Даже с учётом того, что в отличии от лаконичного «Ворона», «Сова» имеет обыкновение раздувать скандал из любого пустяка, дело явно не ограничивалось домыслами.

Гневный окрик возницы и промчавшаяся мимо двуколка напомнили о том, что читать на ходу — не лучшая из идей. Оставив без внимания орущего возницу, я спрятал газету под плащом и свернул на Пепельную улицу. Ещё издали я почувствовал привычный запах гари, который так и не пропал несмотря на все годы, прошедшие с памятного пожара. Здесь плотная застройка становилась всё реже, и я помнил, что через пару кварталов каменная мостовая под моими ногами сменится пучками жёлтой режущей травы. Дальше — только степь.

Окраина города. После того, как много лет назад несколько кварталов выгорели почти дотла, район пользуется дурной славой, и мало кому приходит в голову здесь поселиться. Так что у меня славные нелюдимые соседи. В основном — такие же чудачки, как и я. Впрочем, подобных мне ещё поискать. Много ли вы знаете людей, которые в свои тридцать семь лет живут в доме на дереве? Если честно, я знал всего

одного человека, который желал бы такой жизни, но его судьба сложилась печально.

Так или иначе всего сказанного достаточно, чтобы понять: гости у меня бывают нечасто. Но сейчас я почти не удивился, увидев, что в тени дома меня ждёт невысокая девушка в тёплой шали и длинной юбке цвета выгоревшей травы.

Когда я подошёл ближе, незнакомка порывисто выпрямилась и направилась ко мне. Сейчас я мог разглядеть, что ей чуть меньше тридцати и что, хоть она и старается выглядеть решительной, за её напором скрывается неуверенность.

— Вы ведь Лютер, верно? — вместо приветствия говорит она. Голос у неё мягкий, но в нём чувствуется нотка напряжения.

— Верно, — киваю я, ожидая продолжения.

Неожиданный визитёр, заголовки газет — сложить одно с другим о несложно: я догадываюсь, зачем она здесь, и мысленно подыскиваю вежливые фразы, чтобы спровадить девушку.

Гостья же, похоже, в некотором замешательстве и смотрит на меня с изрядной долей сомнения. Интересно, что же ей обо мне рассказали? Впрочем, вряд ли она ожидала увидеть человека с трехдневной щетиной и серыми от седины прядями волос. Мой потёртый, если не сказать — заношенный тяжёлый плащ только дополнял картину.

— Лютер... Ловец снов, — уточняет она. Фраза звучит скорее как утверждение, а не вопрос.

— Неверно. Вы ошиблись, леди.

Я делаю шаг мимо неё, показывая, что разговор закончен. Дёрнув за неприметную верёвку, обмотанную вокруг одной из веток, я спускаю плетёную лестницу, ведущую к моему жилищу.

— Пойдите, но... ведь это вы! Отец описывал вас по-другому, но я узнала вас.

— Леди, я не знаю, что наплёл вам отец, но я давно перестал быть Ловцом, — грубо отвечаю я.

Прицепив корзину с продуктами крючком, которым заканчивается ещё одна верёвка, я начинаю взбираться по лестнице.

— Вы знаете, что происходит в городе?

— Какая-то сонная лихорадка, — как можно равнодушнее отвечаю я. — В любом случае меня это не касается.

На секунду становится стыдно. Я даже спиной чувствую её тяжёлый взгляд. Ну какого чёрта она пришла именно ко мне?

Оказавшись на крыльце дома, поднимаю лестницу и начинаю вытягивать корзину с ужином. Несколько футов верёвка идёт ровно, а затем одним рывком что-то выдёргивает её с такой силой, что она обжигает руки.

— Да какого беса?! — не выдерживаю я и перегибаюсь через перила, посмотреть, в чём дело.

На этот раз гостя действовала куда решительнее. С самым отчаянным видом она вцепилась в мою корзину и, похоже, не была намерена её отпускать.

— Послушайте, мистер! — даже отсюда я слышу, как дрожит её голос. — Если вы полагаете, что найти вас было просто, или что я сделала это из развлечения, вы ошибаетесь! Может, вы и не тот человек, о котором рассказывал отец, но однажды вы спасли жизнь! Может, хоть это для вас что-то значит?!

Замираю на месте. Спас жизнь?

Девушка выжидающе — требовательно — смотрит на меня.

— Поднимайтесь, — коротко бросаю я, спуская лестницу обратно. — И опустите уже корзину! Там мой ужин.

Через несколько минут я разбираю продукты, а незваная гостя внимательно осматривала моё обиталище, стараясь скрыть брезгливость. Получалось неважно. Зря она, конечно. Здесь есть всё, что нужно для жизни: ледник, небольшая печка, в которой можно готовить, и даже проведён водопровод, хотя пришлось изрядно с ним повозиться. Всё-таки моё жилище — куда больше, чем просто детский домик на дереве.

— Почему вы живёте в таком странном месте? — наконец спросила она.

— Старый должок, — отвечаю я, понимая, что объяснение ей ничего не скажет, но я ещё недостаточно стар, чтобы мучить молодых леди утомительными историями тёмного прошлого. — Вы сказали, что я спас вам жизнь. Скажу честно: хоть вы и кажетесь смутно знакомой, я не помню ничего подобного.

— Если честно, я тоже, — немного смущённо признаётся она. И куда только подевалась вся её решительность? Поймав мой непонимающий взгляд, она продолжает: — Я была ребёнком и знаю лишь со слов отца о...

— Как ваше имя? — перебиваю я.

— Катерина Кренина. Мой отец — Генрих Кренин.

— Генрих...

Какое-то время я хмурюсь, пытаюсь понять, о ком идёт речь. А потом в памяти всплывает образ сухощавого подвижного мужчины с яркими глазами. Его я помнил. Удивительно, что он запомнил меня. Да ещё и так, что обо вспоминает даже его дочь. После пятнадцати... нет, шестнадцати лет! Да я же был тогда совсем мальчишкой! Я и сам помню Генриха исключительно потому, что тогда впервые удалось прорвать Завесу. Это едва не стоило мне разума. Мне и его дочери. Катерине.

Как же причудливо иногда изгибается линия судьбы. Невольно смотрю на девушку совсем по-другому и не сразу нахожу название тому чувству, что затаилось где-то в груди. Облегчение. Я до последнего не знал, удалось ли все сделать правильно и не травмировать

ребёнка. Я и подумать не мог, что все годы носил с собой эту тревогу.

— Вы вспомнили, — понимает она, и уголки её губ трогает мимолётная улыбка.

— Вспомнил. И я рад, что с вами всё хорошо. Но зачем вы пришли?

— За помощью. Вы знаете, что происходит в городе? — повторяет она вопрос.

— Я не успел прочесть газету, — признаюсь я. — Только чувствую, что что-то не так.

— Это совсем не подходящее выражение. Всё очень серьёзно, и я не знаю, к кому ещё могу пойти...

— Тише, тише, — я поспешно останавливаю её. — Катерина... поймите, я не знаю ничего из того, что происходит в городе. Я вообще пока не понимаю, почему вы пришли ко мне. Но в любом случае нужны хоть какие-то объяснения. Попробуйте ещё раз. С самого начала.

Она делает вдох, а когда начинает говорить, голос её звучит гораздо спокойнее, и лишь лёгкая дрожь выдаёт истинное напряжение.

— Я не знаю, с чего всё началось. Да и никто не знает. Несколько дней назад некоторые дети в городе просто не проснулись.

Я стискиваю зубы и молча киваю. «Сонная лихорадка» — теперь заголовки газет обретали ясность. Значит, жертвы — дети.

— Они продолжают спать до сих пор, — продолжает Катерина. — Их не могут разбудить. Ничем, реального мира для них вообще не существует... Каждый день, каждую ночь, число не проснувшихся только растёт. Сейчас город будто сходит с ума. Моя соседка вторые сутки не даёт своим детям заснуть. Те валятся с ног, но она тут же их будит. А ведь им ещё семи лет нет...

— Тихо! — я прерываю её рассказ. — Почему вы пришли ко мне? Есть же доктора, специалисты. Вы же выбрали едва ли не знахаря. Всё это — не моё дело.

— Больница переполнена, лечение так и не найдено. Я... вспомнила рассказы отца. Когда дело касается снов, к кому ещё обращаться? Однажды вам довелось спасти одну жизнь. Я решила, что, может, стоит...

— Девочка, посмотри на меня! Я похож на спасителя?! Меня считают отшельником и, наверное, даже психом, стараясь обходить мой дом стороной. Я — бывший Ловец, бывший, понимаешь?

— Лютер...

Она говорит совсем тихо, но её голос звучит так ровно и спокойно, что я замолкаю.

— У меня дома осталась маленькая дочь. Лина. Я не смогла разбудить её утром, сколько ни старалась. Я... готова на всё, я не знаю, как вас просить, но...

Я готов провалиться на месте от стыда и досады. Какого же чёрта на мой порог принесло именно её?!

— Вы далеко живёте? — скрипнув зубами, спрашиваю я.

Дорога к дому Катерины заняла не больше получаса, нам даже не пришлось ловить гига для того, чтобы добраться до места. Достаточно свернуть с Пепельной на Медную и пройти несколько кварталов. Сумрачным взглядом я оглядывал многочисленные магазинчики и кафе, которыми усеяна Медная улица. Раньше я любил прогуляться здесь с Виктором и Ольгой. Это было очень давно.

Впрочем, сейчас мне совсем не до приятных воспоминаний. Мимоходом я отметил, что на улице среди прохожих нет детей, и от этого становится немного не по себе. Город выглядит непривычно и неуютно, и мысленно я проклиная тот Кошмар, ставший источником беды.

В том, что это именно один из Кошмаров, сомневаться не приходилось — слишком многих коснулась «Сонная лихорадка». Пока все симптомы говорили о том, что причины нужно искать по ту сторону сна. Уверен, если поспрашивать родителей заснувших детей, выяснится, что несколько ночей их тоже мучили дурные сны.

Пока я не понимал только одного — почему именно дети? Кошмары редко бывают столь избирательны. Более того — детские сны куда сложнее подстроить под себя, я отлично знал это по собственному опыту.

Так или иначе, моё согласие помочь Катерине означало прежде всего то, что я вновь

берусь за дело, с которым надеялся покончить. А ещё — что меня ждёт несколько бессонных ночей. От этой мысли в душе всколыхнулось какое-то позабытое чувство, и я неожиданно понял, что часть меня радуется предстоящему испытанию. Пусть ради этого и придётся нарушить данное себе обещание.

— Как вы меня нашли? — наконец спрашиваю я. — Мало кто помнит, чем я занимался раньше.

— Мой отец помнил, а кто-то знал моего отца. Кто-то просто вспомнил вас. Вы довольно примечательны на вид, вам не кажется? Город у нас небольшой, слухи разносятся быстро, поэтому я недолго вас искала.

Я молчу в ответ. Она права: глупо было надеяться, что о тебе так просто забудут.

— Нам сюда, — Катерина жестом показывает нужный поворот. — Мы почти пришли.

С этими словами мы свернули на Зелёную улицу. Центр нашего города. Я, не таясь, осматривался по сторонам — нечасто приходилось здесь бывать. Впрочем, за последние несколько лет ничего не изменилось: всё те же приземистые дома высотой в два-три этажа, крыша каждого крыта черепицей зелёного цвета. Как по мне — дурацкая традиция, но город следовал ей давно. Считалось даже шиком, если тебе удавалось обзавестись комнатами под зелёной крышей. Дела Катерины шли не так плохо, если она жила здесь.

— Почему вы обратились именно ко мне? Вы знали, что я отошёл от дел, а в городе хватает других Ловцов.

— По словам отца вы — лучший. Он рассказывал, что мало кто способен на то, что делали вы.

— Катерина, я согласился вам помочь. Обойдёмся без лишней лести, — холодно заметил я.

— Я и не собиралась лстить! — искренне возмутилась девушка. — Я пыталась обратиться к другим Ловцам. Напрасно. Они давно знают о «Сонной лихорадке». Двое из них и не думали ничего делать, потому что вся их работа — поставлять сны на заказ. Единственный, кто решил что-то предпринять, давно сам сбился с ног,

пытаясь понять, что происходит в городе. Он просто выставил меня за дверь

Я только усмехнулся в ответ и покачал головой. Некоторые вещи со временем не меняются. Среди моих коллег по-прежнему встречались как трусы, так и благородные рыцари. Однако мне был заказан путь и к тем и к другим.

Интересно, кто тот Ловец, что не спрятал голову в песок? Анна? Возможно. Или Каспар, если старик ещё жив. С ним мне особенно не стоит встречаться.

Но рассказанное Катериной заставляло задуматься над тем, что происходит в городе. Если другие Ловцы так и не смогли ничего предпринять, значит Кошмар оказался совсем не так прост, как хотелось надеяться.

— Скажите... — после паузы спросила девушка. — Вы и вправду можете красть чужие сны?

Я хмыкнул. Чего-то подобного я ожидал с самого начала. Вроде бы Катерина и считает меня кем-то вроде спасителя, но при этом полна суеверий.

— Можно и так сказать. Мы можем подсматривать чужие сны, можем изменять их, населяя собственными фантазиями, можем даже целиком погрузиться в чужое сновидение, но красть сны и способность их видеть мы не можем. К сожалению, — после паузы добавляю я.

— К сожалению?

— Я бы не отказался от такого умения, — честно признаюсь я. — Мы не способны видеть сны.

— Совсем? Вам никогда ничего не снилось?

Она выглядит поражённой. Странно, не такая уж это тайна.

— Даже в детстве. Возможно, поэтому мы и можем подглядывать в чужие сновидения. Ценой постоянной бессонницы. Поэтому важно знать, когда остановиться. Нередко жизнь Ловца заканчивается безумием, — я сделал короткую паузу и заглянул ей в глаза. — Вы всё ещё уверены, что обратились за помощью к нужному человеку?

Катерина неуверенно улыбнулась в ответ. Она думает, я шучу. Пусть так. На самом деле

ещё немного, и меня можно считать Ловцом-долгожителем. Я знал совсем немного «коллег», которые сумели перешагнуть сорокапятилетний рубеж, не превратившись в дёрганных параноиков. Или во что похуже.

— Мы пришли, — сказала моя проводница. — У меня комната на втором этаже.

Здание, у которого мы остановились, казалось самым невзрачным на всей улице. Узкое и высокое, как башня, оно терялось, зажатое между двумя внушительного вида особняками. Даже черепица на крыше чуть темнее обычного. Возникало ощущение, будто домик-башенку построили здесь по ошибке.

Скрипучая лестница под ногами заканчивается узким коридором. Дверь тёмного дерева в его конце — квартира Катерины. Я пропускаю девушку вперёд и захожу следом.

Совсем небольшая комната — по общепринятым меркам, на мой же вкус здесь слишком свободно и... стерильно. Похоже, у Катерины страсть к чистоте, и образцовый порядок, царящий здесь, заставляет чувствовать себя несколько неуютно.

На постели, свернувшись калачиком под одеялом, спит ребёнок. Темноволосая девочка лет пяти-шести, как кажется отсюда. В кресле возле кровати с книгой в руках сидит женщина средних лет. Когда мы заходим, она отрывается от книги и бросает на меня подозрительный взгляд.

— Добрый день, леди, — я киваю в знак приветствия.

В ответ «леди» лишь дёргает подбородком и демонстративно проходит мимо. Обменявшись парой фраз с Катериной, она выходит из комнаты, и я с минуту слышу скрип лестницы под её ногами.

— Это моя соседка, — поясняет Катерина. — Она живёт на первом этаже, и я попросила её посмотреть за Линой, пока меня нет. Понимаю, что вряд ли что-то может случиться, но я не могла оставить её одну.

Я только киваю в ответ и без приглашения сажусь в кресло, которое ещё недавно занимала неприветливая соседка. Закрываю глаза

и прислушиваюсь к собственным ощущениям. Когда обладаешь немалым опытом общения с Кошмарами, начинаешь чувствовать их след даже в обычном мире. Чувства тревоги, затхлости, чего-то чужеродного — первые признаки того, что со снами жителей дома творится неладное. Я ожидаю чего-то подобного, но вместо этого ощущаю лишь покой. Если открыть глаза, картина будет почти идиллической: чистая комната, человек в кресле и спящий ребёнок. Если только не знать, что стоит за этим.

— Как странно...

— Что? Вы что-то почувствовали? — Катерина выжидающе смотрит на меня.

— Нет. В том-то и дело, что нет, — задумчиво говорю я. — Пока нет никаких следов.

Кресло жалобно скрипнуло подо мной, когда я, поднявшись, подошёл к ребёнку. Первый спящий человек рядом со мной за последние несколько лет. Внутри просыпается какая-то неуместная жадность, за которую становится стыдно. Я слишком долго не видел снов, но здесь я не за этим. К тому же пока я всё равно не в силах ничего сделать.

Ну, или почти ничего.

— Катерина, — осторожно начинаю я. — Прошу вас не ждать от слишком многого. Во всяком случае, прямо сейчас. Наши способности сильно зависят от времени и того, как долго нам приходилось не спать. Сейчас я не способен даже заглянуть в её сон. Возможно, удастся сделать ближе к утру.

— Но хоть что-то вы можете сделать?

— Почувствовать настроение сна, — кивнул я. — Сейчас. Пожалуйста, тихо.

Стараюсь сосредоточиться, но что-то постороннее назойливо вторгается в сознание, и я далеко не сразу понимаю, что тиканье часов. Их тут действительно куда больше, чем ожидаешь увидеть в обычном доме. Одних настенных висит три штуки, и все они исправно отмеряют время, сообщая об этом мерным перестуком тонкого механизма. Позже надо будет спросить Катерину о них, но сейчас все мои мысли занимали совсем другие вещи.

Отрешившись от бесконечной переключки хронометров, я дотрагиваюсь до лба девочки двумя пальцами — осторожно, едва касаясь её кожи. Понимаю, конечно, что моё прикосновение её не разбудит, но привычка делает своё дело. Я расслабился и прикрыл глаза, стараясь уловить след сновидений. Совсем зыбкий, едва различимый, он ускользал от меня снова и снова. А потом я почувствовал... покой, восторг, счастье. Ощущение настолько острое и неожиданное, что я даже отдернул руку. Невероятно. Даже детям не снятся такие сны.

Судя по всему, моё удивление легко о прочесть по выражению лица, потому что Катерина тут же обеспокоено спросила:

— Что с ней? Вы можете сказать?

— Она... счастлива, — честно ответил я.

— Что?!

Она хмурится и непонимающе смотрит на меня. Хотел бы я сам хоть что-то понять. Я сажусь обратно в кресло и откидываюсь на спинку, пытаюсь привести мысли в порядок.

— Она счастлива. Что бы ей ни снилось, что бы ни вызвало сон, он удивительно приятный и... не знаю, честно. Я не сталкивался ни с чем подобным. Даже не уверен, что это мой профиль.

— Но вы сможете помочь ей?

Надежда в её голосе столь явная, что я в который раз жалею, что согласился взяться за дело. Давно позабытое ощущение того, что кто-то возлагает на тебя огромные ожидания, которые ты можешь не оправдать.

— Катерина, прошу вас, не надо на так смотреть. Я попробую и сделаю всё, что смогу, — это самое большее, что я могу вам пообещать.

Из дома мы выходим вместе. Пока Катерина договаривается со соседкой о том, чтобы та присмотрела за Линой, я как раз успеваю поймать двуколку, запряжённую невысокой гнедой лошадкой.

Сколько я ни старался убедить Катерину остаться дома, она решительно отвергла все мои доводы и увязалась следом. Может, надеялась помочь, а может, боялась того, что стоит ей выпустить меня из виду, и я плюну на всё это дело.

Её можно понять — от мысли о подобном в душе шевельнулось подленькое желание ухватиться за эту возможность соскочить с крючка. Развести руками, подобно остальным Ловцам: дескать, ничего не могу поделать и вернуться к прежней жизни с относительно чистой совестью. Соблазнительно, но к собственной чести, замечу, что желание было мимолётным, и на смену ему быстро пришёл азарт. Нечто, с чем не приходилось сталкиваться за все годы ремесла. Какой-то новый Кошмар. Или нечто совсем иное. Как бы заинтересовало это Виктора, если бы он был тут.

Я начинал вспоминать о Викторе, а значит, дело совсем плохо. В любом случае, пока я не мог напрямую коснуться снов девочки. И вообще снов любого из горожан. Надеюсь, ночью я достаточно устану для того, чтобы это стало возможным.

— Куда мы теперь? — спрашивает Катерина, устраиваясь на мягком сидении по соседству со мной.

— В городскую больницу, — говорю я, когда экипаж трогается с места. — Хочу навестить Марка. Он, возможно, сможет помочь. От меня пока мало толку.

Встретив вопросительный взгляд Катерины, объясняю:

— Весь наш дар оказывается бесполезным, когда отсчёт идёт на часы и минуты, а наши способности становятся доступными не раньше, чем через пару ночей бессонницы. Надеюсь, мне удастся справиться быстрее, и я не растерял умения подсматривать чужие сны. Но это будет лишь ночью или даже утром. Пока же придётся немного поиграть в детектива.

— Вы говорите так, будто считаете это забавным!

Удивлённо смотрю на неё: щёки горят, а в глазах скачут опасные искорки. Темперамент ей явно достался от отца. Но она права: я ловлю себя на какой-то весёлой и даже бесшабашной манере речи, которая здесь совершенно неуместна.

— Простите, это нервное, — я замаялся на секунду, раздумывая, стоит ли говорить правду. — Меня не на шутку взволновало то, что я почувствовал через сон Лины. Если честно я был бы даже рад,

если бы ей снились кошмары, и её сон был полон леденящего ужаса. Так я хотя бы знал, с чем пришлось столкнуться. Нам... мне не раз встречалось подобное. Но здесь... нечто невероятное.

Я бросил на неё озабоченный взгляд. Девушка сидела рядом, закусив губу, и старалась на меня не смотреть. Она боится. Вряд ли могу представить то, что она сейчас чувствует.

— Скажите, что вам снилось в последнее время? — спрашиваю, чтобы хоть как-то отвлечь её от мрачных мыслей.

— Не помню, — после короткого раздумья отвечает она. — Это важно?

— Это всегда важно, — отвечаю я. — Вы наделены потрясающим умением видеть сны, и позволяете себе так легко их забывать. Всё равно, что лишиться себя трети жизни. Но я отвлекаюсь. Мы столкнулись с чем-то неизвестным, и я не знаю, какая деталь может иметь значение. Постарайтесь вспомнить.

— Антон... — наконец, произносит она, и её лицо озаряется улыбкой.

— Что? — я непонимающе смотрю на неё.

— Он... был моим мужем.

— Был?

— Он умер три года назад. Лине тогда только исполнилось шесть.

— Сочувствую, — искренне говорю я.

А я-то задавался вопросом, где же отец девочки. Катерине приходится совсем непросто.

После этого между нами воцаряется неловкое молчание. У меня есть немного времени, чтобы подумать. Обычно Кошмары не удовлетворяются одной жертвой. Именно поэтому их несложно найти — за ними тянется след из дурных снов и бессонных ночей, которые мучают не только жертву, но и всех её домочадцев. Здесь же след совершенно иного рода.

Я догадывался, что ждёт нас в больнице, но пока ещё надеялся встретить нечто хоть сколько-нибудь знакомое.

* * *

— Кто этот Марк? — спрашивает Катерина, пока мы ждём в приёмной.

Она неуверенно оглядывается по сторонам. — Очень хороший врач. Хирург. Однажды мне... нам довелось ему помочь. Думаю, у него сохранилась добрая память.

— Скажи... — после короткой паузы произнесла Катерина. — Ты иногда говоришь «нам» и «нас». Кого ты имеешь в виду?

— Был... один человек. Виктор. Раньше мы работали вместе.

Я вижу, что она хочет спросить, что-то ещё. Даже знаю, что именно, но, к счастью, появляется Марк, и избавляет меня от необходимости разъяснять, почему при упоминании Виктора я употребляю прошедшее время.

Марк всегда поражал меня жизнерадостностью и некоторой театральностью действий. Казалось, что в каждом его суставе скрыто по нескольку пружин — настолько энергичными и быстрыми и его движения. Всякий раз, как я его видел, невольно удивлялся, как такому человеку удаётся проводить точные операции. Но хирургом он был отличным.

Даже сейчас на его усталом лице играла улыбка, хотя он отлично понимал, что мой визит вовсе не был жестом вежливости.

— Лютер! Я не думал, что увижу тебя ещё хоть раз! — я и глазом моргнуть не успеваю, а он энергично трясёт мою руку в крепком рукопожатии.

— Я на это надеялся, — честно отвечаю я. — Но все равно рад видеть тебя.

Марк продолжает улыбаться, но на дне его глаз затаилась тревога.

— Ты ведь здесь не за тем, чтобы повидаться со старым другом, верно? И, может, ты представишь меня спутнице? — он бросил вопросительный взгляд на Катерину.

— Разумеется. Марк Карминский, местное светило хирургии, а это — Катерина Кренина, она... она попросила о помощи, — как-то совсем уж неуклюже заканчиваю я.

— Рад знакомству, — Марк вежливо кивает. — Хотя и подозреваю, что обстоятельства не из приятных. Вы умеете убеждать, леди. Я не думал, что хоть что-то способно заставить Лютера взяться за старое.

— Оставим это, — поморщился я. — Марк, ты позволишь мне вмешаться?

— Ты, похоже, совсем не знаешь, насколько здесь всё паршиво, — Марк как-то сразу сник и нервно потерял короткую бородку. — Сейчас я готов обратиться даже к степному шаману, не то что к Ловцу. Хоть это и не по моей части, но дело дрянь. Те, что заснули самыми первыми, сейчас держатся исключительно за счёт медицинского вмешательства, — он опустил глаза. — Лютер, нам не удалось разбудить ни одного из них, понимаешь? И детей с каждым днём становится всё больше. В общем... пойдёте, вы сами всё увидите.

Пройдя через несколько коротких одинаково-безликих больничных коридоров, мы оказались перед широкими двустворчатыми дверьми.

— Мы выделили самую большую палату, что у нас есть, — пояснил Марк.

Прежде чем он успел открыть дверь, та запахнулась, и в меня едва не врезался высокий худой человек с длинными растрёпанными волосами. Он был совсем рядом, и я почувствовал неприятную смесь запахов алкоголя и кофе.

— Прошу прощ... — он замер на полуфразе, и его глаза удивлённо расширились: он узнал меня. Я его тоже.

— Григорий, — коротко произнёс я без особой радости.

— Мистер Сечин, — Катерина безразлично отвернулась.

Я бросил на неё недоуменный взгляд, но вскоре понял, что Григорий — один из тех Ловцов, к которым Катерина обращалась за помощью. её реакция не оставляла сомнений в том, как он ответил на её просьбу. Некоторые люди со временем не меняются.

В старые времена наши пути пересекались, и нельзя сказать, что встречи были приятными. Если говорить совсем откровенно, то я испытывал к Григорию плохо скрываемую брезгливость. Он из тех Ловцов, которые выставляли дар на витрину, за звонкую монету поставляя на заказ сновидения. Когда дело пахло жареным, Сечин обычно прикрывал свою лавочку и залегал в спячку.

Впрочем, наши чувства и взаимными: он презирал и откровенно боялся меня. Потому что знал, что я сделал.

— Лютер?! — наконец сказал он, даже не взглянув на Катерину. — Что ты тут делаешь? Ты же завязал!

— Отчаянные времена — отчаянные меры, — развёл я руками.

— Настолько, что даже ты взялся за старое. Все те же методы?

— И настолько, что даже ты выполз из своей норы, — парировал я. — Хоть что-то изменилось за эти годы.

— Да пошёл ты, Лютер! — внезапно окрысился он.

Его кулаки сжались, и на секунду показалось, что он посмеет меня ударить. Но вспышка оказалась мимолётной, и через мгновение он сник и совсем тихо произнёс:

— У меня сын там лежит...

Я не выдержал и отвёл глаза. Проклятье, для Григория времена и вправду отчаянные.

— Гхм... прости. Не знал, что у тебя есть сын.

— Представь себе. Ему восемь. И здесь он вторые сутки.

Я промолчал. Что я ещё мог ответить? Дар Ловца — или проклятье — не передаются по наследству, поэтому сын Григория оказался в том же положении, что и остальные дети. А Григорий винил себя за то, что не сумел его сберечь. Какой бы дешёвкой ни был Сечин, сейчас он делал всё, что умел. Только умел он немногое.

— Послушай... ты знаешь, что это за Кошмар? Ты видел его?

— Кошмар? — он мрачно хмыкнул. — Уж не думаешь ли ты, что я не защитил бы от Кошмаров собственного сына? Здесь что-то совсем другое... я не знаю, что делать.

— Григорий, я...

Покорившись я протянул руку, чтобы хлопнуть его по плечу, но он неожиданно резким движением отбил её в сторону и отшатнулся от меня будто от зачумлённого.

— Убери руки, Лютер! Не думай, что я что-то забыл или что-то изменилось.

Держись подальше, ясно?! Твоя помощь мне не нужна, — он шагнул мимо меня, едва не задев плечом, и направился к выходу.

Я растерянно смотрел ему вслед, прежде чем сумел взять себя в руки. Некоторые вещи с годами не меняются, — это верно. Никто ничего не забыл.

— Долго объяснять. Поверьте, очень долго, — покачав головой, коротко ответил я на немой вопрос Марка и Катерины.

Толкнув дверь, я зашёл в палату.

Похоже, с самого начала палата не была рассчитана на такое количество мест, но сейчас пространство занимали ряды больничных коек, в каждой из которых спал ребёнок. Возле некоторых сидели родители. Если бы не они, все это напоминало какой-то коллективный тихий час. Даже привычного запаха больницы не витало в воздухе. Дети просто спали, и врачи, похоже, понимали, что вряд ли сумеют что-то предпринять.

Я глубоко вздохнул и зашёл внутрь. Дети. Я поймал себя на том, что по привычке шагаю мягко, будто боюсь ненароком разбудить их.

Девочка лет семи с заплетёнными в косы волосами. Я касаюсь пальцами её лба и чувствую совершенно детский восторг, от которого на секунду захватывает дух, а сердце замирает на пару ударов. Ощущение столь пронзительное, что я поспешно убираю руку.

Мальчик лет тринадцати. Улыбается во сне какой-то отчаянной улыбкой. Я провожу рукой по коротко стриженным русым волосам, и на секунду охватывает азарт боя, бурлящий захватывающий и не желающий отпускать.

Я иду дальше.

Мальчик-подросток, но с по-детски открытым лицом. Когда я касаюсь его лба, чувствую нежность. Мягкую, затапливающую, кажется, что-то подобное я испытывал только когда был совсем ребёнком. Когда ещё ничего не знаешь о мире и ждёшь лишь всего самого лучшего.

Я иду дальше.

После полудюжины пациентов я едва не плачу. Для меня это слишком. Эмоции расшатаны

до предела. Столько порций счастья, нежности, любви — для меня слишком. И самое ужасное — я не могу понять, что происходит с ними. Если причиной всему Кошмар, то это самая странная тварь из всех, что я встречал. Никогда, никогда я не мог подумать, что они способны вызвать такие чистые и яркие эмоции.

От поисков меня отвлекает шум у входа в палату.

— Кто этот человек? — вопрос принадлежит долговязому лысоватому мужчине в халате, который, нахмурившись, смотрит в мою сторону.

— А... это отец одного из детей, — быстро находится Марк. Спасибо ему, но попытка напрасна.

— Да? И потому он не может найти своего ребёнка? — язвительно вопрошает незнакомец.

— Доктор Кельман, я объясню...

— Марк, не нужно, — прерываю я его, подходя ближе. — Меня зовут Лютер. Возможно, я могу помочь.

— Да ну? — он презрительно оглядывает меня с ног до головы. И я понимаю, что сейчас выгляжу едва ли не как бродяга, так и не сняв своего тяжёлого кожаного плаща.

— Пойдите, доктор, — в разговор вмешивается Катерина. — Он правда хочет помочь. Я звала его. Он Ловец...

— Ловец!? — долговязый даже взвизгивает от негодования и резко оборачивается к Марку. — Карминский! Как это понимать?! Что здесь делает этот знахарь?

Последнее слово звучит как ругательство, и даже маркова жизнерадостность меркнет под таким напором.

— Что дальше?! Вы сюда степняков приведёт?! Вон отсюда! Немедленно! — разумеется, это уже мне.

Лицо Катерины искажается от гнева, и она открывает рот для ответной тирады, но я осторожно беру её под локоть и тихо говорю:

— Не надо, — поворачиваюсь к Кельману и всё с тем же спокойствием добавляю: — Не стоит злиться, мы уходим.

Мы довольно быстро оказываемся с Катериной на улице. Нам даже не требуется посторонняя помощь, а мне не приходится тащить Катерину силой, хотя она полна боевого азарта и мечтает добраться до визжащего старика, который, похоже, намерен устроить грандиозный разнос Марку. Жаль, что с ним так получилось.

Гневная тирада долговязого доктора не произвела особого впечатления. Во-первых, как раз к такому отношению я и привык, а во-вторых, после того, что я сумел прочувствовать через детские сны, меня сложно было пронять хоть чем-то.

— Да как он смеет?! — разумеется, Катерина и не думала успокаиваться. — Вы же действительно можете помочь, а он выставил вас, как какого-то бродягу! Почему вы стерпели?!

— Катерина, поймите же: вы — одна из немногих, кто относится к Ловцам как к спасителям. Большинство ненавидит и презирает нас. Да, они приходят к нам, когда нужно навеять сладкие ночные фантазии, успокоить сон или избавиться от кошмаров, терзающих их сознание. Но делают это, когда ничего другого не остаётся.

— Но почему?!

— Да потому что мы имеем доступ к самому интимному, что только может быть в жизни человека, к тому, над чем он сам не властен. Ты можешь обладать любым богатством, любой властью и силой. Но стоит тебе заснуть — и ты точно такой же смертный, как и все остальные, и тебя снятся всё те же сны. Это пугает, поймите вы! Кто-то пытается купить наши услуги, кто-то — забыть о нашем существовании, а большая часть обывателей считает нас паразитами, ворующими чужие сны. И, должен сказать, иногда они правы, не приведи Грёза вам убедиться в этом.

Катерина какое-то время молчала, обдумывая услышанное. По её виду не похоже, что она до конца мне поверила.

— Но вы сумели что-то понять из того, что увидели?

— Нет, — честно признался я. — Если честно, запутался ещё больше. Им хорошо. Более того: каждый из них счастлив. По-своему, но счастлив.

— Но вы можете им помочь? — она упрямо посмотрела на меня и, я тяжело вздохнул.

— Не знаю, Катерина. Я бы хотел сказать, что найду причину того, что творится в городе. Но в царстве снов слишком много странных обитателей. И далеко не все из них являются людям. Кошмары — самые агрессивные из них, они жадны до людского страха, и потому с ними приходится сталкиваться чаще всего. Но здесь... я впервые вижу существо, которое было бы жадным до детского счастья. Похоже, Григорий прав, здесь что-то совсем другое.

— Что ты собираешься делать дальше? — я мысленно отметил, что Катерина постоянно сбивалась с «вы» на «ты» и, похоже, совершенно не отдавала себе в этом отчёта.

— Искать. Раз я не могу искать напрямую, придётся шарить во тьме. Ночью, ближе к утру, у меня должно хватит сил на то, чтобы заглянуть в человеческие сны. Я буду искать след того, что объявило охоту на детей.

После визита в больницу я собирался отправиться домой, толком изучить газеты и попытаться собрать хоть какую-то информацию о том, что за проклятье пало на город. Но Катерина сумела настоять на том, чтобы я остался у неё. Я отлично понимал причину — она искренне боялась за дочь, а во мне видела единственную надежду на её спасение. Чем больше я думал об этом, тем гадливее становилось на душе.

Бездействие становилось просто невыносимым, но единственное, что сейчас оставалось — ждать. Чтобы скоротать время, я купил по дороге последний выпуск «Ворона», надеясь найти на его страницах нечто новое. Но скупой язык газетных абзацев сообщал лишь то, что я уже видел собственными глазами. Уснувшими были только дети. Самому старшему из них — шестнадцать, младшему — четыре. И я по-прежнему не понимал, с чем связана такая избирательность. Также, как не понимал, что могло вызывать то чистое счастье, которое успел почувствовать через детские сны.

Мысленно я перебирал все возможные способы того, как можно разбудить человека. Та

ещё задача, особенно если учитывать, что в этом деле редко приходится изобретать что-то новое, но здесь... Здесь особый случай. Я уже пытался разорвать плетение сна Лины, но либо моих сил было недостаточно, либо кто-то мешал. Возможно, даже сама Лина.

— Возьмите, вам это сейчас совсем не помешает.

Голос Катерины вырвал меня из раздумий. Она стояла рядом и держала перед моим лицом большую дымящую чашку. Только сейчас я понял, что всю комнату наполняет одуряющий запах свежесваренного кофе. Это было настолько неожиданно, что я далеко не сразу сообразил, что следует делать.

— Что с вами? У вас такой вид, будто я вам не кофе сварила, а преподнесла чашу с лисьей кровью, — несмотря на обстоятельства, её голос звучал насмешливо.

— Почти... Извините, просто мне давно никто не варил кофе. Спасибо вам, — искренне говорю я, отгоняя непрощенные воспоминания.

Делаю крупный глоток и пару секунд сижу неподвижно, наслаждаясь вкусом. Ох, если так пойдёт дальше, я просто рехнусь от ностальгии. Прикрыть глаза, вдохнуть запах и станет легко поверить, что всё вокруг по-прежнему. Увы, это не так. И здесь я совсем не для того, чтобы распивать кофе, пусть даже он и чертовски хорош.

Не глядя я опускаю полупустую чашку на тумбочку — и едва успеваю её поймать. Что-то подвернулось под её дно, и я чуть не расплескал остатки драгоценного напитка. Помеха оказалась необычной — разобранные карманные часы. Их задняя крышка снята, и на меня пристально смотрит красный камень оси неподвижного балансира. Странный предмет рядом с постелью больной девочки.

— А это что? — интересуюсь, осторожно беря в руки механизм. Судя по всему, часы старые и давно перестали отмерять время.

— её любимая игрушка, — Катерина на секунду улыбается.

Я удивлённо поднял брови.

— Я думал, девочки в её возрасте больше интересуются куклами или чем-то подобным.

— Только не Лина. Она вся пошла в отца. Антон был часовщиком, и она вертелась рядом с ним, когда он сидел в мастерской. Теперь вот... то, что осталось от его работы, стало для неё любимой забавой.

Что ж, ясно, откуда здесь столько часовых механизмов. Я как-то не решаюсь расспрашивать дальше, понимая, что для Катерины это болезненная тема, и между нами на несколько минут воцаряется неловкое молчание.

За окном давно стемнело, и комнату освещает пламя газовых рожков и керосиновой лампы, стоящей рядом со мной. Сквозь закопчённое стекло я наблюдаю за пляской оранжевого огонька.

Катерина решилась нарушить тишину первой:

— О чём вы столько размышляли?

— О том, что даже с помощью умений Ловца я не могу её разбудить. Что-то мешает.

— И у вас совсем не осталось способов сделать?

— Один есть, — осторожно говорю я, стараясь не смотреть на Катерину — Самый надёжный из всех.

— Так чего же вы ждёте?!

— Я не буду его использовать, — я перевожу взгляд на неё и вижу причудливую игру теней на её красивом, хоть и уставшем лице.

— Этот способ — смерть, Катерина, — она непонимающе и испуганно смотрит на меня, и я быстро продолжаю: — Человек просыпается, если умирает во сне. Это закон. Но сейчас... хладнокровно убить девочку в самом счастливом из её сновидений. Я не стану этого делать.

— Но если...

— В любом случае, даже если это разбудит её, нет никаких гарантий, что этого не случится снова. Поэтому — нет. Должен быть другой способ. Ко всему прочему, сейчас я способен лишь слабо влиять на сны Лины. Но возможно...

Я оборвал сам себя, задумавшись над новой возможностью.

— Что? Что вы придумали? — Катерина нетерпеливо и выжидающе смотрит на.

— Есть одна идея... Нет-нет, вовсе не то, о чём я говорил, — поспешно добавляю я. — Но тоже в определённой степени опасно.

— Насколько?

— Не знаю. Но куда опаснее, если она так и не сможет проснуться. Просто... Я уверен в том, что дети сами не хотят просыпаться. Да, что-то удерживает их в стране снов, но и они сами не спешат сбегать оттуда. Для этого просто нет причин, им слишком хорошо. Я могу дать Лине эту причину.

— Я не понимаю... — хмурится Катерина.

— Придётся разрушить то безмятежное счастье, которое она сейчас испытывает. Ей просто приснится небольшой кошмар. Не знаю, сработает это или нет, но пока это единственное, что я могу сделать.

Катерина закусила губу от напряжения и решительно кивнула.

— Делайте. Если это может помочь, сделайте это.

Я поднялся со кресла и осторожно приблизился к спящей девочке. Повёл рукой над безмятежным лицом, на секунду ощутив отголосок той радости, что испытывала Лина. Разрушать его мучительно, но куда хуже было бы оставить всё как есть. Сейчас мои способности почти на нуле, но на столь тонкое воздействие их должно хватить.

Действовать следовало как можно осторожнее. Я знал ловцов, которые сводили людей с ума, населяя их сны собственными кошмарными фантазиями. Мало кто заслуживает подобного. О да, я хорошо знаком с этим. Но сейчас, несмотря на схожую цель, нужно о действовать гораздо тоньше. придётся работать не с фантазиями, не с ясными образами или сюжетами, которые должна увидеть девочка. Нет, нужно было лишь посеять зерно беспокойства в её сны, — этого будет достаточно.

Я прикрыл глаза и отрешился от всего, что меня окружало, нужно вызывать в себе чистую эмоцию. Воспоминания были ключом. Тревога за неё, за детей города, страх разочаровать Катерину, неприятие того, что я вновь помогаю тем, кто убил Виктора. Последнее воспоминание вызвало вспышку гнева, и именно за неё я ухватился. Глубоко вздохнув, я кончиками

пальцев коснулся лба девочки, усилием воли передавая в сон Лины всё, что сам чувствовал в это мгновение.

Я открыл глаза и удовлетворённо кивнул, заметив, как по лицу Лины пробежала лёгкая тень.

— У вас получилось? — Катерина с беспокойством смотрела на свою дочь.

— Ещё не знаю, — честно ответил я. — Всё станет ясно через несколько часов. Сейчас я только зародил зерно сомнения в её сознании. Нужно время, чтобы она придала ему форму.

— Но если получится... вы понимаете, что спасёте всех?

— Нет, — я покачал головой. — У меня попросту нет времени, чтобы обходить каждого спящего ребёнка. К тому же я знаю немало людей, которые под страхом смерти не пустят в дом какого-то знахаря.

— Да прекратите себя так называть! — неожиданно взорвалась Катерина. — Откуда в вас это презрение к себе и к остальным? Что по вам так ударило?!

— Люди, — холодно ответил я. — И их благодарность. Цену ей я знаю слишком хорошо. Неважно, что ты делаешь, — если ты как-то отличаешься от них, тебя будут ненавидеть.

Я замолчал, понимая, что и без того сказал слишком много. Весь запал Катерины будто ветром сдуло.

— Вы ведь говорите о Викторе, верно? — после долгой паузы тихо спросила она.

— Верно, — я сел обратно в кресло.

— Каким он был?

Я медлил с ответом. Ну как можно описать в двух словах Виктора? Я грустно улыбнулся, вспоминая его.

— Виктор... вечный ребёнок. Он был на десять лет младше меня, а вёл себя как мальчишка. Смешной, наивный и яркий. Считалось, что он был моим учеником. Как бы не так, это я многому научился у него. Не ремеслу Ловца, конечно, но отношению к людям. Отношению к миру, стремлению ломать правила. Ну, попытался хотя бы. Кстати, построить настоящий дом на дереве — именно его идея. Он хотел этого добиться. А Ловец... Ловцом он

средним, зато он никогда бы не использовал дар во вред. Я помню, он иногда выбирался ночью в город, навевая жителям приятные сновидения, — невольно я замолкаю, прежде чем продолжить. — Они убили его.

Катерина молча смотрела на меня, не решаясь ни о чём спрашивать. Я вздохнул и продолжил рассказ:

— Несколько лет назад в городе началось словно моровое поветрие. Вы, возможно, помните, как это было. Один из Кошмаров сумел прорвать Завесу. Кто-то не просыпался вовсе. Кто-то просыпался безумцем. Люди были в панике, а мы с Виктором сбились с ног в поисках того, кто творил эти вещи. Мы разделились, когда обходили город. Мне повезло больше: я вышел на след Кошмара и прикончил его, когда нашёл. А Виктор... Виктор наткнулся на толпу дикарей, которые встретили того, на ком можно выместить страх. Ещё бы — вот оно, то чудовище, которое ворует наши сны и навлекает кошмары на наш город! Убить его! И ведь они сочли себя победителями! После той ночи кошмары действительно прекратились.

Я поймал себя на том, что последнюю фразу практически процедил сквозь зубы, а мои пальцы до боли стиснули подлокотники кресла. Усилием воли я заставил себя расслабиться.

Катерина молчала. Она не говорила фраз в стиле «мне жаль» или другую подобную чушь, и за это я был ей благодарен. Сейчас я не хотел слушать ничего подобного.

— И после этого вы перестали заниматься своим ремеслом, — она скорее утверждала, чем спрашивала.

— Нет. После этого я совершил то, что недопустимо для Ловца. Я больше не имел права им называться, — отрезал я, давая понять, что больше не желаю говорить на эту тему. С меня и без того достаточно мрачных воспоминаний.

Из дома Катерины я выхожу за полночь. Она рвалась пойти со мной, но в том деле, что мне предстояло, она не помощник. Ко всему прочему, это мне нужно не спать, чтобы суметь хоть что-то сделать в стране снов, ей лучше остаться

дома, немного отдохнуть и быть рядом, если Лина проснётся.

Сам же я ещё не валяюсь с ног от усталости, да и кофе делает своё дело — теперь у меня достаточно сил для того, чтобы заглянуть в чужой сон, а не просто почувствовать его настроение. Не бог весть какое умение, но сейчас оно может помочь выследить виновника всех бедствий.

Я выхожу на Медную улицу и, пройдя пару кварталов, чувствую, как порыв ветра доносит запахи корицы и кардамона. Я в двух шагах квартала Специй. Казалось, здесь сам камень мостовой пропитался их запахом. Недалеко отсюда находится рыночная площадь, а значит, лучшего места для моих поисков нет: днём здесь разворачиваются такие страсти, что их отголоски непременно проявляются во снах. Не верю, чтобы такие яркие эмоции не привлекали никого из обитателей Сомноса.

Звук моих шагов отражается тихим эхом от стен домов. Моя тень искажённым силуэтом пляшет на мостовой в леденцовом свете уличных фонарей. Я иду, стараясь соблюдать осторожность. Редкие прохожие насторожённо оглядываются в мою сторону. Тише, можете не бояться, я не бандит, мне самому не хотелось бы встретиться с представителем их братии.

С каждым шагом я стараюсь дышать глубже, успокаивая нервы. Ловлю себя на том, что меня едва ли не трясёт от предвкушения зрелища, которое скоро откроется. Мне слишком давно не приходилось пробовать чужие сны на вкус. Я даже не думал, что настолько по ним истосковался.

Забавная штука — стены домов. Люди выстраивают их вокруг себя, получают крышу над головой, отгораживаются от окружающего мира, запирают в них себя и собственные сны. Создают дополнительные преграды. И вместе с тем облегчают задачу мне.

Прикосновение к шершавой каменной кладке, — и я оказываюсь в огромном зале, погруженном в глубокий сумрак. Кроме меня здесь лишь двое: совсем молодой и почему-то голый парнишка со вклокоченными волосами

и застывший перед ним огромный, чудовищный сфинкс с интеллигентным, но суровым лицом. На носу сфинкса покоится аккуратное пенсне.

— Ну, так в чём же заключается основной вопрос философии? — нетерпеливо спрашивает львиноподобное создание.

— Профессор, я... Ну, это ведь непростой вопрос... — парень переминается с ноги на ногу и, похоже, ищет глазами выход отсюда. Вряд ли ему удастся уйти.

Я слегка улыбаюсь и отнимаю руку от стены. Забавно. Похоже, у кого-то полным ходом идёт подготовка к экзамену, но мне совершенно неинтересно смотреть, пощадит ли сфинкс нерадивого студента или хладнокровно придушит, как и положено поступать хранителю загадок.

Ещё одно прикосновение — и я забываю вздохнуть в нужный момент. Ветер свистит в ушах, а я вместе с какой-то девушкой стремительно лечу вниз. Подо мной расстилается огромный город, каменные башни острыми шпилями вздымаются в небо и с каждым ударом сердца становятся всё ближе. В отличие от меня, у девушки есть крылья. Она что-то кричит, кажется, смеётся, но ветер мгновенно уносит её слова. Впрочем, я и так вижу, что она счастлива.

До земли пока далеко, но я уже предчувствую удар и прекрасно помню, что умирать во снах даже в моём нынешнем качестве бесплотного наблюдателя — чертовски больно, а отращивать сейчас крылья, меняя под себя сон девушки, я ещё не способен. Поспешно отдёргиваю руку от стены и следую дальше. Кажется, я на верном пути.

Наверное, я выглядел со стороны не лучшим образом. Всё в том же потрёпанном плаще, шатаюсь по ночной улице, опираясь о стены домов. Со стороны меня легко принять за загулявшего пьянчугу, и это не далеко от истины. Чужие сны опьяняют, дразнят, манят. И в этом — одна из причин, по которым я не хотел возвращаться к старому ремеслу. Остановится будет чертовски сложно.

После гибели Виктора я дал себе клятву никогда больше не ступать на зыбкую тропу Ловца.

С тех пор я не видел ни единого сна. Мои ночи наполнены короткой и беспокойной дремой, которая, кажется, понемногу сводит меня с ума. Сегодня я вновь взялся за старое и независимо от результата, удержаться от искушения будет ох, как непросто.

Я знал Ловцов, которые скатились до уровня банальных наркоманов. Единственное, на что они тратили дар, — возможность подглядывать в чужие сны. Впрочем, такие редко становились настоящими Ловцами. Без должного обучения проявления дара были спонтанными, а в ученики к мастерам таких людей брали нечасто. Так мне рассказывали.

Но пока мне нечем похвастаться в своих поисках: я прошёл несколько кварталов, осторожно заглядывая во сны их обитателей, один за другим, но встречал лишь обычные сновидения, образы которых были порождены собственными фантазиями и страхами сновидцев.

Вот сон какого-то обывателя, который в предпаническом состоянии тшитса успеть на поезд, уже отошедший от станции. Я пару секунд наблюдаю за его суетливой фигурой в развевающемся плаще, а затем открываю глаза, прерывая видение. Как банально.

Вот полная женщина в пышном бардовом платье в звенящей тишине бального зала кружится в танце со своим партнёром, облачённым в старомодный сюртук и плащ. Его лицо скрыто глухой маской и, судя по огромной звероподобной фигуре, он не совсем человек. Я невольно замираю, стараясь уловить хотя бы отголосок той музыки, что руководит их движениями, но безуспешно. Время не ждёт, а я должен продолжить поиск.

А вот какому-то мужику, похоже, не слишком повезло. Его мучает самый настоящий кошмар, пугающий и отвратительный. Ему снится, что он в психиатрической лечебнице, связан по рукам смирительной рубашкой, а врачи с обезображенными лицами, похоже, твёрдо намерены сделать ему лоботомию. Образы сна настолько яркие, а ощущения ужаса столь пронзительные, что пронимает даже меня.

Но этот кошмар — лишь порождение нервов и страхов самого мужчины и не имеет никакой связи с созданиями Сомноса. Тем не менее, я сосредоточился, ловя зыбкое плетение сновидения, и усилием воли разорвал несколько нитей. Я знал, что секунду спустя бедняга проснётся в собственной постели. Тратить силы на такое вмешательство неразумно, но оставлять его на растерзание белохалатных монстров не хотелось. Впрочем, дело не только в мелочном сострадании: его страх был достаточно ярким для того, чтобы оставить след в Сомносе, что со временем могло привести к созданию Недородков, а то и вовсе послужить приманкой для Кошмара.

Удача улыбнулась мне только пару часов спустя. К этому времени я уже был пьян от чужих снов и ночных видений. Пугающих, захватывающих, сюрреалистичных. Всё то, чего я сам напрочь лишён. Соблазн огромен, и порой приходилось напоминать себе, зачем я здесь на самом деле.

Были среди них и детские сны, но пока они немногим отличались от остальных: эмоции чище, а образы проще и ярче. И потому я едва не пропустил нужный сон.

Я касаюсь темно-красного кирпича кладки одного из домов ремесленного квартала и оказываюсь на широком балконе. Темнота ночного неба щедро разбавлена мерцанием звёзд и мягким оранжевым светом газовых фонарей, установленных на витых перилах. Перед мной на краю балкона стоит девочка-подросток. На вид ей лет тринадцать. Меня она, разумеется, не замечает — я лишь наблюдатель в её фантазии. Всё её внимание сосредоточено на тонком юноше, шагающем к ней по широкой мерцающей лестнице с самого неба.

Идиллическая картина. Подсматривать такие видения нечестно и даже постыдно. Но я замечаю, что кроме нас с девочкой и её желанного гостя во сне есть ещё что-то. Теряясь за светом фонарей, за спиной девочки в воздухе парит высокое тонкое существо. Оно совсем рядом с ней, склонилось к её плечу, будто что-то нашёптывает на ухо.

Я пытаюсь разглядеть странное создание, но оно будто ускользает от моего внимания. Оно

не похоже ни на что с чем я сталкивался раньше. И уж точно это не один из Кошмаров они обладают своеобразной аурой, которая выдаёт их с головой на фоне любого образа сна. Но здесь...

Существо замирает и, резко выпрямившись, оборачивается в мою сторону. Я скорее угадываю, чем вижу его движения. Я цепенею. Сейчас я лишь наблюдатель, я не способен никак вмешаться в сон девочки. Но для создания, похоже, достаточно даже одного моего пристального внимания. Краем глаза я ловлю резкий, будто нетерпеливый взмах тонкой рукой — так обычно отмахивается от назойливого насекомого.

А затем я едва не заорал от боли — ощущения, будто кто-то плеснул в глаза жидким пламенем. Я ослеп, оглох и последнее, что успел почувствовать угасающим сознанием — мягкий удар камней мостовой. Боли не было. Только досада.

* * *

— Эй, друг, очнись, — чей-то незнакомый голос и мягкий тычок в бок вырвали меня из забытья.

— Ч-что? — я с трудом разлепил глаза и поднял голову. В глаза било тусклое утреннее солнце, а вид ещё сумеречного неба заслонён чьим-то тонким силуэтом.

Мне требуется какое-то время, чтобы полностью осознать, что я валяюсь в самом неподобающем виде посреди мостовой, а рядом сидит какой-то незнакомый парень со смычком в руках. Кажется, именно им он меня и тыкал.

— Ага, очухался, — удовлетворённо кивает он и прячет инструмент.

Я только сейчас узнал в нём того самого уличного скрипача-полукровка, которому вчера кинул пару монет. Странная встреча, но мир тесен, а наш город — особенно, поэтому я даже не слишком удивился.

— Давай, поднимайся, — деловито суетится он, помогая мне подняться на ноги.

Признаться, его поддержка оказывается не лишней. После ночи, проведённой на каменной мостовой, я едва чувствовал своё тело. С помощью скрипача я добрался до ближайшей

скамейки и тяжело упал на деревянное сиденье. Музыкант спокойно устроился по соседству.

— Ну ты нашёл где спать. Что, загулял вчера? — беспечно вопрошает полукровка, но по отсутствию запаха алкоголя, похоже, понимает, что перед ним не банальный уличный пьяница. Спрашивает куда серьёзнее: — Или что похуже? Может под руку лиходею какому попал?

— Почти, — хрипло соглашаюсь я и крепко зажмуриваю глаза, стараясь прогнать цветные пятна, скачущие перед глазами.

В голове немного проясняется, и я могу толком разглядеть благодетеля: как и все представители своего племени, он невысок ростом, тонкого телосложения, а я его шевелюра была необычного серо-коричневого цвета, больше напоминающим цвет шерсти какого-то зверя, нежели обычные человеческие волосы.

По легенде предками коренных обитателей материка были степные лисы, и теперь, как бы сильно не была разбавлена их кровь, каждый из полукровок был живым подтверждением мифа. В остром лице музыканта действительно угадывались какие-то лисьи черты.

Не обращая на меня внимания, он достал скрипку и осторожно теребил струны, будто проверяя настройку.

Я встряхнул головой, приводя мысли в порядок. Кажется, я понимал, что нужно делать.

— Не подскажешь, сколько сейчас?

И, не дожидаясь ответа, начинаю вертеть головой, ища глазами часовую башню, отсюда её должно быть неплохо видно. Стрелки на крупном тёмном циферблате показывают на 6 и 5.

— Половина шестого утра, — подтверждает музыкант. Я оборачиваюсь на его голос и успеваю заметить, как он прячет обратно под полу пальто крупные часы-луковицу на цепочке.

— Однако неплохо нынче живут уличные музыканты, — замечаю я.

— Не жалуясь, — он широко улыбается в ответ. — Так что с тобой стряслось? Или ты от хорошей жизни решил вздремнуть на мостовой?

Я медлю с ответом, а когда раскрываю рот, то говорю почему-то совсем не то, что собирался:

— Тебе доводилось когда-нибудь, встретив ангела, обнаружить под белым оперением самого жуткого монстра, которого только мог представить?

Его пальцы, танцующими движениями, перемещавшиеся по струнам на секунду дрогнули.

— Постоянно, старик, постоянно, — немного помолчав, серьёзно отвечает музыкант.

Я лишь мрачно улыбаюсь ему и поднимаюсь со скамьи. Каждое движение отдаётся болью в суставах, но я хотя бы могу передвигаться без посторонней помощи.

— Спасибо, что разбудил, — говорю на прощанье.

С каждым шагом я чувствовал, как меня немного ведёт в сторону. Что же эта тварь сотворила со мной?

Сейчас я отлично понимал, что надо спешить к Катерине. Нужно понять, удалась ли моя авантюра с пробуждением девочки. Но сам я думал лишь о том, как поскорее попасть домой. Существо, способное не только почувствовать моё присутствие во сне, но и с лёгкостью вышвырнуть меня, было чем-то немыслимым. И... пугающим. Но вместе с тем его облик — вернее его отсутствие — напомнил о чем-то. Кажется, я знал, с чем столкнулся, но не желал в это верить.

* * *

В моём доме не так много вещей, которыми я по-настоящему дорожу. По правде сказать, все они когда-то принадлежали Виктору. Несколько старых фотографий. Его курительная трубка, с которой он неизменно выглядел как мальчишка, впервые решивший покурить, перо с чернильницей — смешная тяга к старине, он пользовался только ими, пренебрегая самописками.

И его дневник.

В отличие от меня, он не полагался на собственную память и записывал самые необычные вещи, с которыми ему приходилось сталкиваться в царстве сна.

Эту толстую тетрадку я открывал нечасто. При жизни Виктора — никогда. Нет, он

вовсе не был против, но я не стремился лезть в его личные записи. Я не собирался делать этого и после его смерти, но однажды, когда было особенно паршиво, я не выдержал. С тех пор в самые тёмные дни я перечитывал несколько страниц из толстой коричневой тетради. Легче не становилось...

Но сейчас я искал нечто большее чем порцию сентиментальных воспоминаний.

«Ирония в том, что мы, Ловцы снов, считаемся специалистами во всем, что касается сновидений. Кому-то даже хватает глупости и вправду считать себя таковым. Правда же в том, что мы ни черта в этом не понимаем.

Каким-то странным взбрыком природы мы стали сторонними наблюдателями. И потому нам дано увидеть чуть дальше, но лишь увидеть. Не понять. За несколько лет я даже не приблизился к пониманию того, что же такое Сомнос.

Лютер рассказывал, что нечто вроде другого слоя реальности, хаотичного, безумного, пребывающего в бесконечном изменении. Во сне разум человека может коснуться его и подстроить под себя. Обычно совершенно бессознательно. Создаваемый кусочек реальности оказывается плодом страхов и желаний спящего. Так и появляются сны.

Но Ловцы лишены этой способности. Мы не видим снов, не способны окунуться в Сомнос, как обычные люди. Вместо этого мы можем использовать сознание спящих людей в качестве шаткого мостика между двумя мирами.

Однако и обычные люди, и мы — всего лишь гости в царстве сновидений. Его настоящие обитатели остаются непознанными и загадочным. Кошмары — лишь самые агрессивные из них, мы так и не знаем, почему они порой оказываются жадными до человеческого страха.

Я верю, что кроме них должно быть что-то ещё. Однажды я видел нечто... нечто странное. Во сне одного мальчишки, которому снилось море. На берегу кроме самого сновидца я заметил что-то чужое. Я так и не понял, что это было, даже не удалось толком рассмотреть это существо. Помню лишь вытянутую

фигуру с тонкими руками. Оно совсем не было похоже на человека, и уж точно не было Кошмаром, я успел вдоволь на них насмотреться и узнал бы где угодно. Уверен, оно пришло с той стороны сна. Весь вопрос — зачем?

В тот раз мне пришлось быстро уйти, но о той встрече я вспоминаю постоянно. От других Ловцов я слышал о Грёзах. Кажется, мне повезло, и я стал одним из немногих, кому удалось мельком увидеть одну из них. Искренне надеюсь, что этот случай не останется единственным»

Всё это я успел прочесть, сидя за столиком «Пряностей» — маленького рестораника на Медной улице в двух шагах от дома Катерины. Я задержался здесь на несколько минут — нужна была краткая передышка для того, чтобы найти в дневнике нужную запись, да и просто чтобы немного перекусить. Не помню, когда я ел в последний раз.

В кафе было необычно шумно — теневой театр на дальней стене репетировал какую-то новую пьесу, но я давно потерял нить повествования. Все мысли заняты только тем, что я прочёл в дневнике Виктора и размышлениями о том, удалась ли моя попытка разбудить девочку. После того, что произошло ночью, моя авантюра больше не казалась блестящей идеей. Если это и вправду была Грёза... Проклятье, если это и вправду была она, любые предположения совершенно бессмысленны! — ни я, ни кто бы то ни было ещё не имел представления, как вести себя в подобных случаях. Моя попытка могла обернуться чем угодно.

Я поймал себя на том, что по-настоящему боюсь возвращаться к Катерине, и тут же почувствовал вспышку ярости за собственное малодушие. Бросив на стол несколько монет, я решительно направился к выходу.

Уже отсчитывая ступени лестницы, ведущие в квартиру Катерины, я чувствовал что-то неладное. После прошлой ночи я вновь остро ощущал настроения чужих снов. Тревога, беспокойство буквально пропитывали весь дом, и я не хотел верить, что всё вызвано одним лишь моим вмешательством.

Подтверждение моих опасений не заставило себя ждать. Едва я постучал в дверь, как она распахнулась, и Катерина буквально втащила меня в комнату. Будто специально караулила у двери моего прихода. её лицо пылало от гнева и, кажется, она едва удерживается от того, чтобы не залепить мне пощёчину.

— Что. Ты. С ней. Сделал? — медленно произнесла она.

Я не ответил, отлично понимая, что весь мой план провалился, и мысленно готовился к самому худшему. В два шага я оказался у постели Лины и на секунду почувствовал, как что-то неприятно сжимается в груди. Не нужно обладать способностями ловца, чтобы понять, что на это раз её сны не из приятных.

Ночная рубашка девочки взмокла от пота, сама она беспокойно металась по постели, давно сбив всё покрывало. Красивое детское личико кривилось в гримасе то ли страха, то ли боли, а с губ время от времени срывались едва слышимые жалобные стоны.

— Проклятье... Она давно должна была проснуться, — произнёс я, мысленно проклиная себя за недалёковидность. Должна была?! Ты же знал, чем может обернуться подобный эксперимент!

— Лютер! Ты сказал, что может помочь! Небольшой кошмар — и всё! Она мечется так больше часа, а я не знаю, что делать. Хотела бежать за тобой, но оставить её так...

— Тише! — резко прерываю я её. У меня нет ни малейшего права кричать на неё, но сейчас полминуты покоя просто необходимы.

Я прикрыл глаза и прижал ладонь к гладкому и неприятно влажному лбу девочки. её личико искажилось ещё больше, и она тихонько захныкала.

Ну, давай же, давай! Вот её сон, я могу коснуться его. Могу нащупать его плетение, могу найти ту самую тонкую нить, соединяющую разум девочки с Сомносом. Я вложил в действие все силы, которые у меня только были, попытался разорвать её — и вновь потерпел неудачу.

Будто что-то мешало, что-то не давало обрывать сон девочки, не выпуская её сознание

из царства снов. Или просто с самого начала связь была настолько прочной, что даже теперь, видя кошмар, она не может проснуться? О, Грёза, что же я натворил?!

— Лютер...

— Тише! Ещё немного времени. Совсем немного.

Я осторожно поднял Лину на руки, она казалась даже легче, чем я представлял. Закрыв глаза и склонился к ней, коснувшись её лба своим. Ну же!

Когда я открываю глаза, я стою посреди огромного зала, в котором оказывается удивительно мало места. Густой жёлтый свет затопливает помещение и играет бликами на множестве циферблатов и латунных плат часовых механизмов, которыми заставлен зал. Они здесь повсюду. Часы, механизмы, шестерёнки, странные часовые конструкции, назначение которых остаётся для меня загадкой. Все они тикают в унисон, и поначалу я теряюсь в их размеренном кляцанье.

Конечно же, этот маленький мирок — плод воображения Лины, её фантазия. Ей очень многое досталось от отца и, судя по сну, часовая мастерская для неё теперь лучше всякой игровой комнаты и кондитерской лавки вместе взятых.

Но самой Лины я не вижу. Вместо неё из-за огромных напольных часов выходит то, что я поначалу принял за ещё один механизм. В каком-то смысле так и есть. Судя по облику существа, оно было одновременно и смотрителем и частью коллекции: огромная механическая кукла, невероятно напоминающая человека, отчего шестерёнки и движущиеся балансиры, прорастающие через её тело, смотрелись отталкивающе и жутко.

И, разумеется, существо лишь отчасти принадлежало лининой фантазии. Оно было моим творением, тем самым зерном моих сомнений и гнева, которое проросло в сон девочки.

Жуткий автомат медленно пересекает залу, осматривая один механизм за другим, будто ищет что-то, и я скоро понял, что именно: за матовым стеклом огромного циферблата, занимавшего половину стены зала, мелькнула чья-то неясная тень. Лина. Свернувшись клубком, она

забилась в самый дальний угол мастерской, надеясь, что жуткая тварь, которая поселилась в её персональном раю, до неё не доберётся.

Я едва не взвыл от тоски и собственного бессилия. Толку от моих способностей, если сейчас я не мог даже разбудить девочку?!

Но, похоже, времени предаваться отчаянию у меня нет. Краем глаза я замечаю быстрое движение — неясная тень, метнувшаяся ко мне. И ощущение — уже знакомое по прошлой ночи. Я едва видел размытый силуэт, но уже знал, с кем имею дело. Повторять свой опыт я не желал. На это просто не было времени.

Я выпрямился, не выпуская Лину из рук, и открыл глаза. Передо мной — обеспокоенное лицо Катерины, и я только сейчас заметил, насколько же она изменилась и устала за несколько часов.

— Что с ней?!

— Одевайтесь. Мы едем в больницу, — вместо ответа бросил я.

— В больницу?! — она бросила на меня изумлённый взгляд. — Чем тут помогут врачи?

— Врач нужен не ей, а мне.

* * *

— Лютер, какого чёрта ты снова здесь забыл?! — при всём лёгком характере Марка, наша новая встреча не доставила ему особой радости. — Сам знаешь, если Кельман увидит тебя здесь, он выставит и тебя, и меня вместе с тобой.

Разумеется, в больнице нас не спешили принимать. Даже Марка удалось вызвать только благодаря Катерине, которая не стала церемониться и закатаила медсестре форменный скандал, так что та ретировалась, и предоставила со всем разбираться Карминскому. Мне было неудобно вот так пользоваться старой дружбой, но сейчас на счёту была каждая минут.

— Марк, прости, что снова ставлю тебя под удар, — торопливо сказал я. — Но нужна твоя помощь. Видишь эту девочку? — я кивком указал на Лину, комком сжавшуюся у меня на руках. — С ней всё куда хуже чем с остальными. Счёт идёт на часы, если не на минуты...

— Лютер, я даже места в палате выбить не смогу, понимаешь? Я хочу ей помочь, но все помещения переполнены. Такого никогда не было. Прости...

— Свободная койка есть и у неё дома. Я здесь не за тем. Нужно, чтобы ты приготовил вот эту дрянь, — я протягиваю ему небольшой обрывок бумаги, на которой ещё по пути старательно переписал из дневника Виктора названия препаратов.

С минуту он внимательно изучает названия, а когда поднимает взгляд, на его лице читается неподдельное возмущение.

— Да ты рехнулся?! Убить её решил?!

— Ты не понял. Это не для неё, а для меня.

— Немногим лучше. Ты не мог придумать более ядрёного коктейля?

— Марк, я не собираюсь больше ждать. Ты видишь, что с ней творится?! Я совершил ошибку, но я успел выйти на след той твари, которая не даёт детям проснуться. Осталось только достать её, но это можно сделать только с той стороны сна. Без этого, — я кивнул на клочок бумаги в его тонких пальцах, — мне придётся ещё одну или две ночи провести без сна. Этого времени у нас просто нет.

— Я...

— Я прошу тебя. Теперь я буду тебе должен. Мне нужны эти препараты. Они — и какое-нибудь место, где я мог бы сосредоточиться. Подойдёт любой чулан.

Марк с минуту пристально смотрел мне в глаза, не произнося ни слова. Наконец он кивнул и, развернувшись на месте, дал знак следовать за ним. Мы так и шли по коридору больницы, представляя собой довольно странное зрелище: доктор, молодая женщина с усталым и взволнованным лицом и бродяга с ребёнком на руках. Наконец Карминский замер напротив одной из неприметных дверей и, воровато оглянувшись, повернул ключ в замке.

— Сколько времени тебе нужно?

— Не знаю, — честно признался я. — Час, быть может, два. Если за это время я не сделаю то, что нужно, вряд ли сделаю вообще.

«Вряд ли я вообще выживу» — добавил я мысленно.

— Столько времени у тебя будет, — он толкнул дверь, запуская нас внутрь. — Это мой кабинет, побудьте пока здесь. Я вернусь через минуту.

Судя по всему, Марку иногда приходилось в своём кабинете даже ночевать, во всяком случае, он позаботился о том, чтобы больничная кушетка, стоявшая здесь, прекрасно подходила для сна. Осторожно уложив на неё Лину, я вернулся к Катерине:

— У меня будет к вам просьба...

— Я останусь здесь, — словно предчувствуя неладное, твёрдо сказала она.

— Нет, — я покачал головой. — Так вы ей не поможете, поверьте. Но нужно время, которого здесь может не быть. Не пускайте никого в кабинет. В состоянии Ловца, я не смогу сделать ровным счётом ничего по эту сторону сна.

Катерину удалось уговорить только к возвращению Карминского. Она столкнулась с ним в дверях кабинета, и тот вежливо отстранился, пропуская её. Вернулся Марк не с пустыми руками: стеклянный шприц, жгут и две медицинские ампулы. Он ни о чём не спрашивал, просто посмотрел в глаза и кивнул каким-то своим мыслям.

Я поморщился от короткой боли, когда через мою кожу проникла сначала одна игла, а затем — после короткой паузы — вторая. На этот раз повезло — в прошлый раз, когда я прибежал к этому средству, уколы пришлось делать самому — вену я нашёл далеко не сразу, и на предплечье потом было страшно смотреть. Но, как и сейчас, выбирать не приходилось.

— Не знаю, что ты собрался делать, но, надеюсь, у тебя получится, — вместо прощания сказал Карминский и вышел из кабинета.

Я прикрыл глаза и приготовился. Коктейль начнёт действовать через несколько минут. О нём мне рассказал учитель, строго предупредив, что прибегать к этому средству стоит только в крайнем случае. И пока мне удавалось честно следовать его совету. Ничего особенного в смеси в общем-то не было: сочетание сильнейшего снотворного и не менее сильного стимулятора. Для обычного человека никакого эффекта

помимо того, что организм начинает немного сходить с ума от таких издевательств.

С нами творилось то же самое, с одним отличием — использовать умения Ловца становилось куда проще, будто не спал несколько суток. Чувствуешь себя примерно так же, только заснуть не сможешь, даже если очень захочешь. А потом ещё неделю приходишь в себя.

Когда я снова открыл глаза, я чувствовал каждого спящего в здании. Огоньки их сознаний служили маячками, самые разные, со своим настроением, характером. Но нужный был совсем рядом. Лина, — именно она сейчас представляет самый большой интерес для существа с той стороны Завесы.

Я не стал больше терять ни секунды драгоценного времени. У Лины его и без того было совсем немного. Проведя по её волосам, я почувствовал, как она успокаивается. Возможно, сейчас удалось бы даже прервать её сон, но теперь ставки в игре были куда выше. Нужно было найти причину сонной лихорадки. Найти и покончить с ней.

Прикрыв глаза, я увидел уже знакомую огромную часовую мастерскую. Вновь множество часовых механизмов и мягкий свет газовых рожков. Я тяжело вздохнул и сделал следующий шаг, перешагнув ту черту, что разделяла мой мир и мир Грёз Лины. Последнее, что я успел ощутить — удар жёстких подлокотников кресла, но на смену этому ощущению пришло множество других: тиканье часов, звук чьих-то шаркающих шагов, запах металла и машинной смазки. Даже понимая, что все окружающее — лишь сон Лины, сам я воспринимал его сейчас как самую настоящую реальность. Да и она реагировала на соответственно — теперь я вовсе не был бесплотным наблюдателем, наоборот, мои возможности здесь и сейчас были максимальны.

Клацанье металлических суставов и шаркающие шаги, отдающиеся звонким эхом, напомнили о том, зачем я здесь. Прежде всего — уничтожить то, что превратило линин сон в жуткий кошмар. Я распахнул полы плаща и опустил руку на пояс, уже ощущая под пальцами привычную твёрдость рукояти призываемого оружия.

Когда часто имеешь дело с Кошмарами, волей-неволей приходится думать о собственном вооружении. Пронести что-то с собой в сон удаётся далеко не всегда, да если и удастся, никто не обещает, что законы сновидения позволят оружию работать. Поэтому первое, чему учится ловец, попадая в Сомнос — призывать собственное оружие. Его персональное средство убийства, которое будет работать независимо от того, где он оказался. Забавно то, что его облик обычно определяется при первом визите, спонтанно, и его редко удаётся изменить впоследствии. Видимо, я оказался на редкость старомодным типом, раз моим оружием оказались пара тяжёлых, хоть и не лишённых изящества кремнёвых пистолета. Обычно их было достаточно — мне редко требовалось больше двух выстрелов.

Но времени нет, — лишний раз напомнил я себе, когда быстрым шагом, срываясь на бег, пересекал залу. Перед глазами мелькали бесконечные циферблаты самых разных конструкций, а тиканье сотен и тысяч часовых механизмов сливались в единую какофонию, но даже сквозь неё я услышал тонкий пронзительный крик. Я уже видел свою цель, но мне не хватало всего пары секунд. В нескольких метрах от меня за матовым стеклом колоссального циферблата, дрожа в неровном свете газовых рожков, двигались два силуэта — сжавшаяся фигурка и склонившаяся над ней тень, в которой я без труда узнал жутковатое механическое подобие человека. Я отчаянно опаздывал.

Грохот выстрела, ещё один тонкий крик и звон разбиваемого стекла слились в один звук.казалось, даже бесчисленные часы, собранные здесь, замолкли, прислушиваясь к рюкотворному грому. Отбросив бесполезную теперь пистоль, я бросился вперёд, молясь лишь о том, чтобы девочку не задело осколками. В том, что я попал, сомнений не было. Так же как и в том, что второго выстрела автомату не потребуется.

К счастью, девочка была невредима. Она уже поднялась с пола и под хруст осколков под её ногами осторожно пятилась от останков механической куклы. Последние выглядели

жалко — выстрел разворотил всю правую часть того, что у человека можно было бы назвать грудной клеткой. Огромная дыра ощерилась осколками шестерёнок и обрывками масляных трубок. Пальцы автомата скребли по полу, но было ясно, что это последние судороги существа, которое никогда не было живым.

— Лина, ты в порядке? — я старался, чтобы мой голос звучал как можно мягче.

Она только закивала головой, но пятиться не перестала. На секунду показалась, что ещё немного, и она убежит. Неудивительно — я ведь тоже не слишком походил на доброго персонажа детских снов.

— Лина, меня зовут Лютер. Я друг твоей мамы, она волнуется за тебя. И очень скучает.

На несколько секунд девочка замерла, будто раздумывая, поверить или все-таки убежать на всякий случай. Похоже, решение так и не было принято: её личико исказилось в плаксивой гримасе, и она, все ещё стараясь сдерживать слезы, медленно осела на пол.

— Тише, все в порядке, — я уже был рядом с ней. — Совсем скоро ты все забудешь. Забудешь как дурной сон. Честное слово. Ты и не вспомнишь о нём, когда проснёшься. Только просыпайся поскорее.

Я осторожно обнял её, не прекращая бормотать какие-то успокаивающие глупости. Я вновь нащупал тонкое плетение её сна. Отсюда сделать это было куда проще. Ещё одно усилие — и нить, соединявшая разум Лины с этим странным местом, была разорвана. Для неё все кончено. Но пока — лишь для неё одной.

Я почувствовал, как тело ребёнка под моими руками становится все менее плотным, зыбким и совсем скоро распалось несколькими дымными нитями.

Лина проснулась.

Значит скоро очнусь и я. Реальность сна не может долго существовать без сновидца. У меня было лишь несколько минут на... собственно, на что? Я так и не нашёл того, что искал, и даже Лину спас лишь на время. Я разбудил её — и только, но как быть дальше?

— Спасибо, изгой, — ощущение, будто мягкий шёпот раздавался прямо в моем разуме, миная слух.

От неожиданности, я шарахнулся в сторону, пригибаясь и вскидывая руку с оставшейся пистолтью. И я увидел её.

Грёза.

Моя рука с пистолетом дрогнула, но оружия я не опустил. По эту сторону сна я мог без труда разглядеть её, и на секунду мне стало жутко — своим обликом она легко могла потягаться с некоторыми кошмарами: высокое, лишь отдалённо напоминающая человека, бледное существо с длинными тонкими руками и вытянутыми узловатыми пальцами. Оно парило в воздухе передо мной в некоем подобии мантии, тяжёлые складки которой скрывали ноги создания. На бледном лице не было глаз — всю верхнюю часть головы закрывало подобие толстой костяной пластины. Несмотря на это, я отчётливо чувствовал взгляд Грёзы.

Вопреки столь непривычному облику, создание не вызывало страха, наоборот — её окружало нечто вроде ауры спокойствия и умиротворения. Неожиданно я понял, что не знаю, смогу ли нажать на курок. Это же Грёза. Неведомый и непознанный обитатель Сомноса. Одна эта встреча с ней — то, что многие ловцы ищут и не находят за всю свою жизнь. Я даже не знал, что будет, если я выстрелю. Повредит ли ей это? А если повредит, что станет со снами? Со снами детей города, со снами в целом? Вряд ли хоть кто-то из ныне живущих мог дать ответы на эти вопросы.

— Изгой... — медленно повторила она. её тонкие серые губы шевелились, но я не уверен, что с них слетает хоть один звук. — Ты помог ей, она не боится больше. Я благодарна тебе.

В два удара сердца её вытянутая фигура оказалась совсем рядом со мной. Так близко, что я чувствовал её запах, и с удивлением ощутил в нём нотки мяты и бадьяна.

Я оцепенел. Грёза была совсем рядом и, паря в воздухе, «обходила» меня, склонив на бок свою безглазую голову. Машинально я вёл пистолет следом, держа её на прицеле, хотя уже

был уверен, что не смогу нажать на спусковой крючок.

— Ты интересен, — протянула она. — Но ты измучен. Я могу помочь тебе.

Её движение было слишком быстрым, чтобы я успел среагировать. Мгновение назад Грёза нависала надо мной величественной и жутковатой фигурой, а сейчас я чувствовал, как её неожиданно твёрдая и шершавая ладонь касается моего лба.

* * *

Меня разбудил стук в дверь. Настойчивый, будто стучат не в первый раз. Как странно, кто мог вот так просто залезть ко на дерево?

Я моргнул, удивляясь собственным мыслям. Какое ещё дерево? Ещё слишком рано. Мы с Виктором пока так и не достроили тот дом. Да и жить в нём собрался он сам. Не переезжать же мне с Ольгой к нему. Ерунда какая. Хотя я и не вижу снов, утром в голову приходят странные мысли.

— Да иду я, погоди немного! — кричу я в ответ на повторившийся стук, наскоро набрасывая на себя одежду. её для начала приходится долго искать, — в комнате царит восхитительный бардак, как обычно после того, как Ольга всю ночь работала. Иногда кажется, что она совсем не спит: во всяком случае я лёг куда раньше, а проснулась она пару часов назад, не меньше.

Разобравшись со своим гардеробом, я торпливо открываю дверь. Как раз вовремя — Виктор уже занёс руку для того, что бы постучать ещё раз.

— Ну наконец-то, — улыбается он. — А я уж думал, отвлекуа вас с Ольгой от самого интересного. Эй, ты чего?

Сам не знаю, чего я. И откуда в сердце взялась эта дурацкая щемящая боль? Будто в последний раз Виктора вижу. Я встряхиваю головой, стараясь отогнать неуместное ощущение.

— Да нет, нормально всё. Спросонок как-то странно себя чувствую. Ты давай, заходи, так и будем на пороге стоять?

— Э нет, это ты выходи. Забыл совсем? Ты обещал мне с домом помочь.

Ах да, конечно. Последние пару месяцев он носится с этой дурацкой затеей с настоящим домом на дереве. Чистой воды мальчишество, но он умеет увлекать своими идеями.

— Все равно заходи, я хоть кофе попью.

— Попьёшь по дороге, — отмахивается он, помахивая фляжкой в руках. — Я хочу сегодня закончить крышу.

Ну вот как тут устоять? Как бы я не любил Ольгу, даже она не варила такой кофе, как Виктор. Он-то отлично знал, чем можно выманить из дома.

— Ладно, — сокрушённо вздыхаю я. — Погоди только, я хоть оденусь нормально. Сам видишь, бардак тут тот ещё.

— Да уж вижу. Вы с Ольгой нашли друг друга, если уж умудряетесь уживаться в таком... гм... климате. Где она сама, кстати?

— К выставке готовится, у неё она через четыре дня, а галерейщик опять требует новые картины. Видимо, с самого утра побежала договариваться на их счёт. Инструменты у тебя?

— Как обычно.

За такими разговорами мне удаётся найти свою рабочую одежду, и мы выходим из дома. Благо, идти здесь совсем недалеко. Мы с Ольгой выкупили первый этаж в уцелевшем доме на Пепельной улице. После пожара он продавался практически за бесценок. Зато теперь, когда дом будет достроен, мы с Виктором будем соседями. Такая перспектива была мне по душе.

Уже полчаса спустя я сижу верхом на одной из перекладин крыши. В рту — сразу несколько гвоздей, и я чувствую кислотоватый привкус металла. Виктор всюду орудует молотком, поминутно что-то бубня себе под нос, а я не могу его расслышать. Я стараюсь от него не отставать — если поторопимся, то к обеду закончим настил и можно будет заняться черепицей.

На секунду я прерываюсь, оглядываясь по сторонам. Что ни говори, а Виктор подобрал отличное место для дома. Самая окраина города. Отсюда, с крыши открывается великолепный вид на великую степь. Бесконечное, колышущееся жёлтое море. Может, предложить сделать на крыше нечто вроде смотровой площадки?

— Виктор... — окликаю я, — и слова застревают в горле.

На секунду показалось, что его лицо бледное и все перемазано кровью, которая сочится из страшной раны рядом с виском. Я так и замираю на месте.

— Лютер, ты чего? — он обеспокоенно хмурится.

Я крепко зажмурился и снова открыл глаза. Наваждение исчезло.

Но память... память никуда не делась.

— Нет, ничего, — растеряно говорю я.

— Ты с самого утра сам не свой. Не перегрелся? — по его внимательному взгляду я понимаю, что он прикидывает, как бы меня поскорее отсюда спустить.

— Виктор... — я будто смаковал имя, пытаюсь понять, какие ощущения оно вызывает. Разобраться в них было не так просто: словно я стал обладателем сразу двух наборов воспоминаний. — А какой сейчас год?

— Ты точно перегрелся. Девятьсот тринадцатый, конечно. Лютер, ты чего? Слушай, отложи молоток, ладно? Я сейчас тебе воды принесу. А лучше — давай спускаться.

— А месяц? — не унимался я.

— Август, — Виктор, похоже, не на шутку перепугался.

Я только растерянно покачал головой. Почему мне казалось, что сейчас девятьсот пятнадцатый? Почему в голове вертится эта цифра. Откуда эти странные мысли?

Но зацепившись за эту дату, я не мог остановиться. Наверное, именно так чувствуют себя люди, стараясь вспомнить утром полузабытый сон. Какой-то набор ощущений, чувств и неясных образов, ты стараешься ухватить хоть что-то, надеясь, что это откроет тебе всю картину.

— А наше последнее дело? Полтора месяца назад. Тот Кошмар, убивающий людей во сне. Те пьянчуги, которые ошалели от страха, они гнались за тобой.

— Ну да, было дело, — Виктор удивлённо моргнул, пытаясь понять, к чему я клоню. — Они тогда задали мне жару... Думал, вообще убьют.

Я тогда от них едва ушёл, а потом ещё пару дней мы прятались у Каспара пока в городе паника не улеглась. Да что с тобой творится? Почему ты вдруг о них вспомнил?

Я вздохнул. Я вспомнил. Вспомнил и о них, и о том, что было на самом деле. А ещё я вспомнил, что было потом.

— Потому что они и вправду убили тебя, — тихо сказал я, выпрямляясь на своём ненадёжном насесте во весь рост.

— Кажется, кофе был лишним. Лютер, давай-ка выбираться отсюда.

Он совсем перестал улыбаться и, выпрямившись, начал перебираться ко мне, осторожно переступая через доски настила. Но я уже успел отойти на самый край крыши, ещё один шаг, и я полечу вниз.

— Ты прав. Отсюда и вправду пора выбираться.

Слова даются с огромным трудом. В горле стоит мерзкий ком, будто я готов сейчас заплакать. А, к степному бесу всё... я уже плачу. Я слишком хорошо всё помню. Помню, как было на самом деле.

Я окидываю взглядом недостроенный дом. Дурацкое и нелепое сооружение на дереве. Слишком нелепое, чтобы считать его полноценным жилищем, слишком серьёзное и основательное, чтобы быть просто детской забавой. Но даже сейчас я вижу, что у нас с Виктором он получился бы куда лучше. Всё сложилось иначе.

— Виктор, — сдавлено говорю я. — Спасибо за кофе. Я рад был увидеть тебя снова.

— Лютер, нет!

Виктор отшвырнул в сторону молоток и в диком прыжке рванулся ко мне, но было поздно. Я раскинул руки в стороны и качнулся назад. Ощутил на секунду, как ноги отрываются от деревянной опоры дома, удар ветра, разметавший волосы, и тянущую пустоту в груди, как обычно бывает при падении. Только на этот раз дело было не только в нём.

Один из лучших способов, чтобы проснуться. Хотя мне совсем не хотелось этого делать.

Рывок — такой сильный, что выбивает воздух из лёгких, — и я повисаю в воздухе, будто

зацепившись за что-то. Я стараюсь отдышаться, но это не так просто, когда что-то держит тебя за шиворот.

Открывать глаза совсем не хочется, наоборот, — сейчас я хочу послать всё к бесам и забыть. Или наоборот — вспомнить... Зачем, зачем я это сделал?

— Изгой!.. Глупец! — голос совсем рядом, и я без труда узнаю мягкий шёпот Грёзы.

Открыв глаза, понимаю, что именно она держит меня за шиворот. Легко, будто тряпичную куклу. Вся её рука не толще моего запястья, и на секунду я поражаюсь её силе, хотя давно успел привыкнуть, что во снах действуют свои законы. Тем более — для неё.

Грёза тем временем бережно опускает меня на землю, и я тяжело приваливаюсь к стволу дерева.

Пейзаж вокруг немного изменился, теперь нет ни Пепельной улицы, ни моего дома. Только бесконечная степь, одинокое дерево, на ствол которого я опираюсь. И Грёза...

Как же глупо всё получается. Видение о Викторе, навешанное ею, подействовало на меня отрезвляющие. Вместе с воспоминаниями о том, как на самом деле сложились наши судьбы, приходит понимание того, что произошло в городе. Что сделала Грёза.

Наш город давно был лакомым кусочком для существ с той стороны Завесы. Он приглянулся и ей, его жители и больше всего — его дети. Разумеется, она не хотела зла. Всё, чего она желала — рассказать несколько историй. Историй пленительных и манящих, каждая из которых создавала свою персональную сказку для сновидца. И невольно она сыграла роль Гаммельнского крысолова. Для взрослых её истории были просто ночным развлечением, после которого они просыпались довольными и отдохнувшими. Но дети... с ними всё было иначе. Они не могли расстаться с той подаренной сказкой, не желали этого, и Грёза была рада помочь им. Они оказывались запертыми в своих мечтах.

Взрослые не верили в чудеса. И я — тоже.

Грёза вновь была передо мной. Она беспокойно металась из стороны в сторону, выглядела

при этом порядком раздражённой. Во всяком случае, так казалось, я понятия не имел, какие эмоции вообще свойственны этому существу, и есть ли они у него вообще.

— Ты... мои истории, тебе не нравятся они?

— Нравятся. Ещё как нравятся, — честно признался я, поднимаясь на ноги — Настолько нравятся, что не хочется просыпаться. Но они лгут, Грёза. Ты подменяешь ими настоящую жизнь. Все твои истории — ложь.

— Ложь... Жизнь... — она тянула каждое слово, будто пробовала его на вкус, как нечто новое и незнакомое. — Я не понимаю, изгой. Ты видишь всё своими глазами, ты чувствуешь, ты живёшь в этом мире. Почему ты его разрушаешь?

— Потому что иначе я разрушу свою жизнь. Я прошу тебя, прекрати, оставь свои сказки, они несут смерть.

— Смерть?! Я дарю жизнь, я дарю сладкие грёзы, к которым вы так рвётесь.

— Это и убивает нас. Я... могу показать тебе.

Я вытянул руку и осторожно, как мог, осторожно коснулся лба Грёзы. Для этого, правда, пришлось подняться на цыпочки. На секунду она отпрянула от меня, но потом вновь приблизилась, позволяя дотронуться до неё.

Вот он, мой шанс. Сейчас я мог показать ей любой кошмар, который пришёл бы в голову, я мог попытаться свести её с ума и, возможно, мне бы это удалось. На секунду я почувствовал странный соблазн — в моей власти была сама Грёза. Вряд ли хоть одному Ловцу выпадала такая удача.

И вместо этого я просто показал ей правду. Точно так же, как обычно передавал спящим образы сновидений я передавал ей свои воспоминания, надеясь лишь на то, что ей доступно подобное восприятие событий. Вот Катерина, которая заламывая руки, рассказывает о том, что случилось с её дочерью. Вот ряд больничных коек с детьми в огромной общей палате, вот пара родителей возле одной из них, мать плачет, а губы отца сжаты в тонкую линию. Вот врачи, которые вряд ли чем-то сумеют помочь. Я старался вложить в образы все эмоции,

которые мучили меня с тех самых пор, как я зашёл в больничную палату. Только сейчас я дал себе волю, позволяя прочувствовать каждую из них. Страх за детей, ощущение собственной беспомощности, сожаление и снова страх, панический ужас — на этот раз за совершённую ошибку, которая могла стоить Лине разума.

Чувствуй, бес возьми, чувствуй вместе со мной! Я не знаю, способна ли ты на эмоции вообще, способна ли ты переживать их, понимаешь ли всё, что я тебе показываю или для тебя всё это — лишь мимолётные видения, как для людей, порой, — самые чудесные сны. Я не знаю, я ничего не знаю, но сейчас — прошу тебя, почувствуй! Пойми! Пойми то, что ты делаешь с ними, пойми, что ты разрушаешь жизни десятков и сотен людей. Пойми...

— Хватит, — голос грёзы гулко отдаётся в ушах. От неожиданности я пошатнулся и едва устоял на ногах. — Достаточно. Что это? ЭТОТ... город? То, что ты показал мне. Видения? Ты — Грёза?

— Это память.

Мне становится смешно от осознания того, насколько же нелеп наш с ней разговор. Она не понимает того, что я говорю. Для неё все мои слова и воспоминания — лишь зыбкие видения. Ей, могущественной обитательнице Сомноса, в принципе не понять нашу реальность. Таковую стабильную, прочную и неизменную.

— Память... Жизнь... Покажи мне ещё, — она снова рядом со мной, протягивает нечеловеческую руку. — Покажи мне, изгой.

Я вновь сосредотачиваюсь и пытаюсь понять, что могу показать ей. Память. И я вспоминаю. Вновь переживаю каждое событие. Каждую подробность, каждую деталь. Я так и не оправился от того видения, что наслала Грёза, и моё сознание цепляется за него. Звено за звеном выстраиваю цепочку событий. Показываю ей свою историю. То, как все было на самом деле.

Вот мой дом на дереве. Он недостроен, и стены зияют прорехами. Сейчас сентябрь, и сквозь оранжевую и красную листву пробиваются лучи солнца, от чего кажется, будто деревянная обшивка стен покрыта золотыми пятнами.

Вот лицо Виктора. Он улыбается... воспоминание о нём неизбежно влечёт ещё одно. Слишком яркое, чтобы его можно было просто отбросить.

Вот я бегу по Железной улице, слыша немолкающий гулкий стук в ушах. То ли эхо моих собственных шагов, отражённое от стен домов, то ли собственное бешено колотящееся сердце. Я слышал крик, узнал его. И, разумеется, я не успеваю.

Виктор. Смешно, но на его лице до сих пор застыла полуулыбка. Когда всё лицо в крови, это смотрится жутко.

Вот опять я. В губах зажато с десяток гвоздей, а в руке молоток. Я строю тот самый дом на дереве. В одиночку. Сейчас это кажется чем-то совершенно дурацким и неуместным. Но я хочу довести дело до конца, закончить то, что мы начали вместе.

А это совсем другой я. Иду по улицам самых паршивых и мрачных районов города. Прикасаюсь к стенам домов, я ищу тех, кто сотворил это. Большинство из них неизвестны, но этих троих я сумел выследить. Они сами помогли мне — похвалялись в дешёвых забегаловках о своих подвигах. Я нашёл их дома и сейчас прикасаюсь к их сну. Осторожно, стараясь не дать воли собственной ярости. Я населяю их сны самыми жуткими кошмарами, которые смог придумать. О, после стольких сновидений, моя фантазия способна на многое, а этих кадавров я вынашивал в себе долго. Заботливо взращивал их в своём сознании с одной целью — чтобы они терзали во снах выродков, что посмели сотворить это с Виктором.

Одному из них повезло — он не проснулся на следующее утро. Остальные... возможно, остальные живы до сих пор, я ничего не хочу знать о них.

Я отнимаю ладонь от шершавого, как камень, лба Грёзы и с трудом выдыхаю.

— Ты хотела увидеть, теперь ты видела. Боюсь, это сильно отличается от тех видений, что ты показываешь людям. Прости, но я не верю тебе.

— Жизнь... — протянула она низким шёпотом. Казалось, она и не слушала меня, парила

в воздухе, раскачиваясь из стороны в сторону, и будто пыталась осмыслить то, что я показал. — Разная. Чужая. Ещё. Я хочу увидеть всё. Ты покажешь мне?

— Сколько угодно, — я лишь мрачно усмехнулся. Мне было уже все равно, я чувствовал лишь усталость.

— Я благодарю тебя, изгой.

Последнее слово раздаётся в сознании совсем тихо, а затем Грёза одним мощным рывком подаётся вперёд. Я успеваю лишь заслонить лицо руками, но... внезапно весь её силуэт расплывается, и я чувствую обжигающую волну, на долю секунды вижу перед собой безглазое лицо Грёзы и вскрикиваю, выпрямляясь в знакомом кресле в кабинете Марка.

Далеко не сразу я понимаю, что мою руку кто-то крепко сжимает, а повернув голову, вижу перед собой Лину, которая обеспокоенно смотрит на меня.

— Вам тоже кошмар, приснился, да? — тихо спрашивает она.

— Вроде того, — растеряно говорю я.

Что произошло только что? За что Грёза благодарила меня?!

— И мне тоже, — всё так же тихо говорит Лина. — А потом пришли вы и... не помню. Я забыла... Но — спасибо. Меня Лина зовут.

— А меня — Лютер, — невольно улыбаюсь. — Ты, наверное, к маме хочешь?

— Хочу, — признаётся она, а потом, немного подумав, — а ещё есть хочется.

— Пойдём, твоя мама давно тебя ждёт, — с трудом поднимаюсь с кушетки, чувствуя, как мулит от препарата. Все звуки доходят будто через плотную подушку, и требуется некоторое время, чтобы поверить, что я окончательно проснулся.

Перед дверью кабинета я на секунду замираю, боясь открыть её. У меня получилось? Грёза, хоть бы у меня получилось.

Потянув на себя ручку, я сразу же понимаю, насколько все изменилось. Даже до кабинета Марка доносится шум, царящий в детском отделении. Мириады звуков, голосов... детских голосов. Кто-то смеётся, кто-то плачет,

но я понимаю — с «сонной лихорадкой» покончено.

— Лина! — Крик Катерины бьёт по ушам, и она едва не сбивает меня с ног, бросаясь к дочери.

— Mam, ты меня совсем задушишь... — доносятся сдавленный писк.

Я глубоко вздохнул. Получилось. А значит — самое время уходить отсюда. Ещё не хватало попасться на глаза Кельману. Но теперь все будет хорошо. Я уверен. Вопрос лишь в том, какой ценой далась эта победа? Что сотворила Грёза? Что я согласился для неё сделать?

* * *

Я проснулся от того, что лучи солнца, пробиваясь через темно-желтую листву, били прямо в глаза. Сегодня мне снилась степь. Бесконечное море высокой травы с дурманящим пряным запахом. Где-то совсем рядом проходила железная дорога, я даже слышал стук колёс поезда и видел дым паровоза. Я все пытался дойти до неё, но степь играла со мной злые шутки, и я так и плутал среди трав до самого утра.

Дурацкий сон. Я мог видеть эту же степь из собственного окна, да и зачем мне нужен этот поезд? Больше всего я хотел увидеть море. Раньше я лишь читал о нём в книгах, и никогда не доводилось видеть его самому. Но видеть по ночам именно то, что хочу, у меня не получалось. Будь я хоть сто раз Ловцом, на собственные сны мои умения не распространялись. Я бы сказал, что это странно, но по сравнению с тем, что Ловец вообще видит ночью сны, это было сущей мелочью.

С того дня, как мы расстались с Катериной в «Пряностях», куда мы отправились после больницы (Лина уж очень хотела есть), прошло пять дней. Многое изменилось, город понемногу приходил в себя, и я знал, что скоро он и не вспомнит о том, что произошло. Возможно, это в самой человеческой природе — быстро забывать собственные сны, и все, что с ними связано.

Пять дней. Я ещё дважды побывал в гостях у Крениных, убеждая себя в том, что делаю это ради того, чтобы убедиться, что с Линой все в порядке,

и я как следует сделал своё дело. На самом деле мне просто было приятно их общество, да и Лина всякий раз искренне радовалась моему приходу. А Катерина варила удивительно вкусный кофе.

Пять дней. Пять ночей. И каждую ночь я видел сон. Настоящий, собственный. Один раз даже небольшой кошмар. Я помнил каждый из них, даже начал их записывать. Но вряд ли я скоро привыкну к тому, что мне наконец доступно то, чего я был лишён всю жизнь.

И лишь одна вещь не давала мне покоя: иногда я чувствовал чужое присутствие в собственном сознании. Будто животное ворочается во сне и удобнее устраивается в своём новом обиталище. Только этим обиталищем был мой разум. Всякий раз, когда это случалось, я замирал на месте, чувствуя, как старый приятель-ужас по-хозяйски берет меня за шкуру.

Я привёл Грёзу в наш мир, не зная, в чем её цель, как долго она останется со мной, и вообще возможно ли применять к ней привычные понятия. Я боролся с собой и иногда страстно желал избавиться от неё, изъять из сознания, несмотря на то обещание, которое ей дал. Но каждое утро, вспоминая увиденный сон, я мечтал о том, что она останется со мной.

Из раздумий меня вырвал звон дверного колокольчика. Я повесил его лишь позавчера, и вместе с тем перестал поднимать верёвочную лестницу. Не то что бы я ждал гостей, но надеялся, что Катерина соберётся как-нибудь навестить, а постучать в дверь, когда лестница к ней поднята, будет сложно.

Выйдя за дверь, я едва не зацепил головой плетёный обруч из ниток, жил и перьев. Мой старый знак Ловца. Я долго колебался, прежде чем вновь повесить его над дверью. Но в конце концов решил, что он и без того слишком долго пылился у в шкафу. Помнится, я ещё порадовался тому, что так и не решился сжечь его, как собирался с самого начала. Теперь он вновь пригодится.

На моем крыльце, держась для надёжности за одну из веток, стоял молодой парень в тёмном костюме. Он тяжело соглотнул и свободной рукой торопливо стянул с головы новенький котелок.

— Я могу помочь? — вежливо поинтересовался я.

Незнакомец ещё раз нервно глянул на символ Ловца над моей головой и наконец сказал:

— Вы ведь Лютер? Ловец снов?

— Верно, — улыбаюсь я. Странно, но эти слова даются куда легче, чем я ожидал после перерыва в несколько лет. — Прошу, заходите, я надеюсь, что смогу вам помочь.

Автор: Александр Семькин

Оформление: Александр Ермаков

